Джон Варли

Джордж Мартин

Брюс Стерлинг

Майкл Сузиник

Вернер Винджи

Джанет Хасан

Уолтер Йон Уильямс

Мария Ф. Макхью

Г. Дэвид Йордан

Роберт Рид

Джордж Тернер

Стивен Бакстер

Р. Гарсиа-и-Робертсон

Тони Дэнжел

Пол Макоули

Питер Гамильтон

Мэри Розенблюм

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

БОЖЬЕ ОКО

Болтунья
Вернор Виндж

Аннотация
Вернор Виндж. Болтунья

Аннотация

Но редко когда он (или вообще кто-нибудь) лучше строил вещь, чем это сделано в быстрой, колоритной и весьма изобретательной новелле, которая вам предлагается - в новелле «Болтунья». Здесь очевидно сильное влияние Роберта А. Хайнлайна - частично новелла является незамаскированной данью уважения хайнлайновскому «Звездному зверю», который прямо упоминается в тексте, хотя прослеживается влияние и Ларри Нивена, Пола Андерсона, Чарльза Харнесса и, может быть, Роджера Желязны (по-моему, его влияние еще явственнее проступает в «Истинных названиях»). Сознательно следуя сюжетному построению «Звездного зверя», Виндж в этот знакомый путь вносит несколько неожиданных ходов, а также радикально новых мыслей о том, какими на самом деле будут межзвездные сообщества - эти мысли предваряют его широко известные рассуждения о «Сингулярности» (предстоящий момент времени, когда технологический прогресс ускорится до такой степени, что общество

станет непонятно даже для живущих в нем людей), и они скорее всего окажут сильное влияние на будущие произведения о космических приключениях, хотя и не признанное вслух, как оказали «Истинные названия» свое влияние на литературу виртуальной реальности.

Вернор Виндж
Болтунья

Бывают мечты, которые умирают долго. У некоторых из них случается предсмертная ремиссия… и это, быть может, самое худшее.

От концерта «Возрождение Элвиса» до центра кампуса было два километра. Хамид Томпсон выбрал обходной путь, через поля Баркера и Старую Секцию. Болтунье эта дорога явно нравилась больше. Она бегала туда-сюда по тропе и пряталась в старые тараканьи норы, исподтишка скрадывая

птиц, которых подманивала голосом. Как всегда, охотилась она больше для удовольствия, чем для еды. Когда птица подлетала поближе, голова Болтуньи взлетала, тыкалась в птицу носом и разражалась человеческим смехом. Ей давно не приходилось этого делать: птицы на ее обычных путях поумнели, и с ними уже было не позабавиться.

Когда начались скальные обрывы за Старой Секцией, норы кончились и птицы стали осторожнее. Теперь Болтунья шла рядом, жужжа про себя: обрывки из Элвиса пополам с обзорами новостей месячной давности. Минуту-другую она могла идти молча… прислушиваясь, что ли? Что бы ни говорили злопыхатели, она вполне могла не спать и молчать часами - но даже тогда Хамид

иногда чувствовал в голове жужжание или прилив боли. Мембраны Болтуньи могли излучать в диапазоне двести килогерц, а это значит, что почти все ее подражание для человеческих ушей было недоступно.

Они вышли на край обрыва.

- Сядь, Болтунья. Я хочу перевести дыхание.

«И полюбоваться видом… И решить, что же мне, ради всего святого, с тобой делать»,

Обрывы были самой высокой точкой обзора в провинции Нью-Мичиган. Расстилавшиеся вокруг равнины пестрели прудами и были исчерчены ручьями и реками - лучшая пахотная земля на всем континенте. С орбиты первые колонисты ничего лучше не могли найти. Легче было сесть на воду, но колонисты искали наилучшие шансы на долговременное выживание. В тридцати километрах от Хамида, полускрытое серым туманом, виднелось место посадки, отмеченное стеклистыми полосами. Учебники истории сообщали, что три года ушло на спуск всех людей и того, что удалось спасти от огромного корабля. Даже сейчас еще стекло слабо излучало - добавочная причина миграции с перешейка на Уэстленд.

Если не считать леса возле посадочных полос да старого университетского городка под самым

обрывом, во все стороны расстилались поля - бесконечные квадраты черного, коричневого и зеленого. Осень уже давно вступила в свои права, и последние земные деревья сбросили цветные листья. Тянувший из долин ветерок- нес холод, обещавший в ближайшем времени снег. До Хэллоуина было меньше недели. Да уж, Хэллоуин. Интересно, был ли за сорок тысяч лет истории Человека хоть один Хэллоуин, отмеченный так, как будет на той неделе. Хамид подавил желание обернуться на Маркетт. Обычно это было его любимое место: столица планеты, население четыреста тысяч - настоящий город. В детстве поездка в Маркетт заменяла путешествие к дальним звездам. Но сейчас мечту сменила реальность, а звезды так близко… Даже не оборачиваясь, Хамид знал, где сейчас баржи Туристов. Они плавали разноцветными шарами над городом, хотя каждая весила не меньше тысячи тонн. А это все - их шаттлы. После «Возрождения Элвиса» Хэллоуин - последняя достопримечательность туристского маршрута в Маркетте. Потом Туристы летят дальше, к наполовину поддельным пикам Американы.

Хамид откинулся на сухой мох, покрывавший камень.

- Ну, так что мне с тобой делать, Болтунья? Продать тебя? Тогда мы оба отсюда выбрались бы.

Болтунья насторожила ушки.

- Говорить? Разговаривать? Спорить?

Она устроила свои сорок килограммов рядом с Хамидом и ткнулась головой ему в грудь. Из передних мембран зазвучало мурлыканье, как от кошки вселенского масштаба. Это был розовый шум, пронизывающий грудь Хамида гудением, и камень, на котором они с Болтуньей лежали, резонировал. Мало что ей так нравилось, как хороший разговор на равных. Хамид погладил черную с белым шерсть.

- Я говорю, надо ли тебя продавать?

Мурлыканье стихло, и казалось, что Болтунья действительно думает над вопросом. Она вертела головой туда-сюда, кивала ею - отличная имитация одного профессора из университета. Потом она подняла большие темные глаза:

- Не торопите меня! Я думаю. Ду-ма-ю.

Она стала вылизывать гладкую шерсть у горла. Насколько знал Хамид, она действительно пыталась понять, и иногда говорила даже почти осмысленно. Наконец она закрыла пасть и заговорила:

- Надо ли тебя продавать? Надо ли тебя про-

давать?

Интонации были Хамида, но голос не его. В таких разговорах она обычно говорила голосом взрослой женщины (и Очень красивой, как казалось Хамиду). Это не всю жизнь так было. Когда она была щенком, а Хамид - мальчишкой, она говорила мальчишеским голосом. Цель была ясной: она знала, какой голос ему будет приятнее всего услышать. Животная хитрость, что ли?

- Ну, - сказала она наконец, - я знаю, что я думаю. Покупай, а не продавай. И всегда по самой лучшей цене.

Она часто высказывалась в стиле оракула. Но Хамид знал Болтунью всю жизнь. Чем длиннее ее комментарий, тем меньше она поняла. В данном случае же… Хамид вспомнил курс финансов. Это было еще до того, как у него оказалась его теперешняя квартира, и Болтунья полсеместра пряталась у него под столом. Интересный был семестр для тех, кто в этом участвовал. «Покупай, а не продавай». Это была цитата - кажется, из какого-то воротилы девятнадцатого века.

А Болтунья заливалась, и каждая фраза имела все меньше и меньше отношения к вопросу. Через минуту Хамид обнял зверюгу за шею, одновременно плача и смеясь. Они стали бороться

на каменистом склоне: Хамид сдерживал свою силу, а Болтунья аккуратно прятала когти. Вдруг он оказался на спине, а Болтунья наступила ему передними ногами на грудь и челюстями ухватила за кончик носа.

- Скажи «дядя»! Скажи «дядя»! - кричала она.

Зубы Болтуньи на несколько сантиметров не доходили до конца челюстей, но хватка была мощной; Хамид немедленно сдался. Болтунья соскочила, торжествующе хохоча, потом ухватила за рукав, помогая подняться. Хамид встал, осторожно потирая нос.

- Ладно, чудище, пошли дальше. - Он махнул рукой вниз, в сторону Энн-Арбора.

- Ха-ха! А как же! Пошли дальше!

Болтунья скакала по камням быстрее, чем Хамид мог даже надеяться идти. Но каждые несколько секунд она останавливалась и смотрела, не отстал ли он. Хамид покачал головой и пошел вниз. Черта с два он будет ломать себе ноги, пытаясь угнаться за этой тварью. Откуда бы она родом ни была, кажется, зима в окрестностях Маркетта была для нее наиболее приятным временем года, будто такая погода у нее на родине все время. Хоть на цвет ее посмотреть, черный с белым, широкими кругами и спиралями. Такой

узор бывает у тюленей на льду. В снегу ее практически не видно.

Она убежала метров на пятьдесят вперед. С такого расстояния Болтунья могла почти сойти за собаку, что-то вроде грейхаунда, но у нее были слишком большие лапы и слишком длинная шея. А голова была больше похожа на тюленью, чем на собачью. Конечно, она и по-собачьи лаять умела. Но ведь она умела и греметь грозой, и подражать человеческой речи - и все это одновременно. На всей Средней Америке она была единственным представителем своего вида. На этой неделе Хамид узнал, что этот вид почти так же редок и Вовне. Ее хочет купить один Турист… а Туристы платят монетой, которую Хамид Томпсон ищет уже половину из своих двадцати лет.

Ему позарез нужен был добрый совет. Уже пять лет прошло, как он последний раз обращался за помощью к отцу, и черт его побери, если он снова это сделает. Значит, остается Университет и Лентяй Ларри…

По меркам Средней Америки Энн-Арбор был городом древним. Были, конечно, и постарше: за пределами зоны посадки все еще высились остатки Старого Маркетта. Школьные экскурсии к этим развалинам бывали очень непродол-

жительны: сборные дома еще слегка излучали. Конечно, были отдельные здания и в современной столице, стоящие чуть ли не с самого начала. Но почти все здания Университета в Энн-Арбор возникли сразу после этих первых постоянных строений: Университет насчитывал 190 лет.

Что-то там сегодня происходило, и к проблеме Хамида это не имело отношения. Когда они с Болтуньей входили в город, туда влетела пара полицейских вертолетов из Маркетта и закружилась над зданиями. Излюбленный Хамидом обходной путь был перегорожен постами службы безопасности Университета. Несомненно, это связано с Туристами. Так что, быть может, придется идти через Главные Ворота и мимо Главного Здания. Брр! Уже десять лет прошло, но все равно противно вспоминать: детство предполагаемого вундеркинда, родители, заставившие его пойти учиться на математика, где у него не хватило способностей, слезы и крики дома, пока он не убедил наконец родителей, что он не таков, как они думали.

Хамид с Болтуньей шли мимо административного корпуса, и Хамид не замечал ни изящных контрфорсов, ни плюща, обвивавшего камень стен, ни стройных деревьев вдоль улицы. Все это

было знакомо… если не считать двух машин федеральной полиции. Студенты стояли кучками, глядя на копов, но бунтом не пахло. Они просто любопытствовали. А кроме того, федералы никогда еще в дела кампуса не вмешивались.

- Ты потише, ладно? - буркнул еле слышно Хамид.

- А как же!

Болтунья выгнула шею- назад, изображая собаку. Когда-то они были заметной парой в кампусе, но Хамид оставил университет, и сейчас у людей были другие интересы. В главные ворота они вошли без замечаний со стороны студентов или полиции.

Самый большой сюрприз поджидал возле трущобного обиталища Ларри в Морал-Холле. Здание еще не было достаточно старым, чтобы считаться историческим, но уже вполне разваливалось. Это был неудачный эксперимент кирпичного строительства. Глина потрескалась и прогнила, открыв щели для лиан и насекомых. Сейчас дом напоминал скорее красноватую кучу обломков, нежели функционирующее здание. Сюда администрация Университета ссылала самых неугодных преподавателей - место, забытое Административным Корпусом. Так было всегда,

но не сегодня. Сегодня тут на парковках в два ряда стояли полицейские машины, а у ворот - охранники с помповыми ружьями в руках!

Хамид поднялся по ступеням. Было у него нехорошее чувство, что из всех университетских преподавателей в мире Ларри сегодня труднее всего будет увидеть. С другой стороны, работать с Туристами - это значит каждый день общаться с людьми из охраны.

- Вы по какому делу, сэр?

К несчастью, охранник был незнакомый.

- Я должен увидеться со своим консультантом… профессором Фудзиямой.

Ларри никогда не был у него консультантом, но Хамид действительно хотел получить его совет.

- Гм.- Коп включил ларингофон. Хамид толком не расслышал, донеслись только слова насчет «той самой черно-белой инопланетной твари». Чтобы ничего не знать о Болтунье, надо было последние двадцать лет прожить в пещере.

Прошла минута, и из дверей вышла женщина чином постарше.

- Не повезло тебе, сынок, мистер Фудзияма на этой неделе студентов не принимает. Правительственное задание.

Раздалось что-то вроде траурной мелодии. Ха-

мид толкнул Болтунью ногой, и музыка резко оборвалась.

- Я не по учебным делам, мэм. - Вдохновение: почему бы не сказать правду? - Это насчет Туристов и моей Болтуньи.

Полицейская вздохнула:

- Я как раз боялась, что ты это скажешь. Ладно, заходи.

Войдя в темный коридор, Болтунья торжествующе захихикала. Когда-нибудь она начнет играть в свои игры не с теми людьми и огребет приличных колотушек, но, кажется, не сегодня.

Два пролета по лестнице вниз. Освещение стало еще хуже: полусдохшие флуоресцентные лампы, встроенные в акустическую черепицу. Деревянные ступени местами пружинили под ногой. Перед дверями не было ни студентов, ни гостей, но копы взяли здание под наблюдение: из одного кабинета слышался громкий храп. Странное это было место - Забытый Квартал, в частности, Морал-Холл. Что у всех здешних преподавателей было общего - это то, что каждый был у кого-то соломиной в глазу, а поэтому в эти крохотные кабинеты попадали и самые неграмотные, и самые блестящие.

Кабинет Ларри находился в полуподвале в кон-

це длинного коридора. По бокам двери стояли еще два копа, но в остальном все было так, как помнил Хамид. На двери бронзовая табличка: «Профессор Л. Лоуренс Фудзияма, Факультет Трансгуманитарных Исследований». Рядом расписание с совершенно невероятными приемными часами. Посередине двери картина, изображающая поросенка, и подпись: «Если студент делает вид, что ему нужна помощь, сделай вид, что помогаешь».

Полицейская у двери отступила в сторону. Хамиду предстояло Проникнуть внутрь без помощи властей. Он быстро постучал пару раз. Раздались шаги, приоткрылась щелочка!

- Пароль? - спросил голос Ларри.

- Профессор Фудзияма, мне нужно поговорить о…

- Это не пароль!

Дверь захлопнулась у Хамида перед носом. Полицейская положила ему руку на плечо.

- Не огорчайся, сынок, он это и с людьми поважнее тебя проделывал.

Хамид стряхнул ее руку, дернув плечом. От черно-белого создания у него под ногами понеслись звуки тревожной сирены. Перекрикивая шум, он заорал:

- Да это же я, Хамид Томпсон! Ваш студент, трансгуманитарный факультет, группа 201!

Дверь открылась снова, Ларри вышел, поглядел на копов, на Болтунью.

- Так чего ж ты сразу не сказал? Заходи давай. - И когда Хамид с Болтуньей проскользнули внутрь, он нахально и невинно улыбнулся полицейской. - Не волнуйся, Сьюзи, это все то же правительственное задание.

Кабинет у Фудзиямы был длинный и узкий - просто проход между стойками с оборудованием. Студенты Ларри (те, кто осмеливался спускаться в эти глубины) выражали сомнение, что этот человек выжил бы на Старой Земле в эпоху до электронного хранения данных. На полках скопились тонны мусора, и все время какое-нибудь устройство вытарчивало в проход. Это был музей-может быть, даже и в буквальном смысле слова, поскольку одной из специальностей Ларри была археология. Почти все машины не работали, но некоторые щелкали, что-то светилось. Среди этих устройств были шутки Руба Голдберга, были ранние колониальные прототипы… а были и машины Извне. Почти весь потолок покрывали водо- и паропроводы. Похоже было на внутренность подводной лодки.

Стол Ларри стоял у стены. Мусор на столе уравновешивался красивой вещью: плоский дисплей и резная, ночной черноты статуя. Ларри в группе 201 трансгуманитарного факультета описал свою теорию работы с находками: найденное последним - обрабатывается первым, каждый год закупается чистая простыня, на ней пишется дата и на нее кладется годичный слой барахла. Многие считали, что это - одна из шуточек Ларри. Но из-под свалки действительно виднелась простыня.

От настольной лампы под потолок ползли резкие тени. Громоздящиеся у стен ящики, казалось, вот-вот рухнут. Свободное пространство на стенах было занято постерами. Эти постеры одна (не самая главная) из причин, по которым Ларри был сюда сослан: они были тщательно продуманы так, чтобы оскорблять любую разумную общественную группу. На стуле для посетителей тоже грудой было навалено… что-то. Ларри смахнул это на пол и пригласил Хамида садиться.

- Конечно, я тебя помню по трансгуманитарному. Но зачем было это вспоминать? Ты же владелец Болтуньи, и ты сынок Хаса Томпсона. - Ларри сел в свое кресло.

«Я не сынок Хаса Томпсона!»

- Простите, я ничего другого не успел приду-

мать. Но я пришел как раз насчет Болтуньи. Мне нужен совет.

- Ага! - Знаменитая лягушечья улыбка Фудзиямы, одновременно и невинная, и хищная. - Тогда ты пришел куда надо. Чего б хорошего, а советов у меня полно. Но я слышал, ты бросил Университет и ушел работать в бюро Туристов?

Хамид пожал плечами, стараясь не выглядеть слишком задетым.

- Да, но я уже был на последнем курсе, и Американской Мысли и Литературы знал побольше многих выпускников... а Караван Туристов будет здесь только полгода, а потом - кто его знает, сколько пройдет до следующего? Мы им показываем все, что я только могу придумать. На самом Деле, мы им показываем больше, чем есть чего смотреть. Ведь еще сотня лет может пройти, пока сюда прибудет еще один.

- Может быть, может быть.

- И как бы там ни было, я многое узнал. Я почти с половиной Туристов перезнакомился. Но...

На Средней Америке жили десять миллионов человек. Не меньше миллиона питали романтические грезы о том, чтобы попасть Вовне. Не менее десяти тысяч отдали бы все, что у них было, чтобы выбраться из Медленной Зоны, жить

в цивилизации, охватывающей тысячи миров. Последние десять лет вся Средняя Америка знала о грядущем прибытии Каравана. Почти все эти годы - половину своей жизни, всю, после того, как он ушел с математического, - Хамид провел, готовясь, обучаясь тому, что могло бы дать ему билет Вовне.

И тысячи других работали не менее усердно. В эти десять лет каждый Факультет Американской Мысли и Литературы на всей планете был набит под завязку, а за сценой происходило еще больше. У правительства и больших корпораций были секретные программы, не обнародованные до самого прибытия Каравана. Десятки людей действовали с дальним прицелом, ставя на то, что никто, кроме них, не считал нужным Внешникам. Были среди них глупцы: спортсмены, шахматисты мирового класса - они в огромном населении Вовне могли рассчитывать только на какой-нибудь восьмой разряд. Нет, для проезда туда нужно было что-нибудь необычное... необычное для Вовне. А тут мало что можно было придумать, кроме оригинальности Старой Земли: хотя и ее можно было преподнести неожиданным образом. Джилли Вайнберг, способная, но не блестящая студентка АМЛ, когда

Караван прибыл на орбиту, обошла Турбюро и представила себя Туристам как Подлинную Американскую Болельщицу и куртизанку первого класса. Этот подход менее откровенно и менее успешно использовали многие соискатели обоих полов. Для Джилли это оказалось билетом Вовне. Самое смешное, что ее спонсором стал один из немногих негуманоидов в Караване - моллюск с Лотлримара, которому в кислородной атмосфере не прожить и секунды.

- Я бы сказал, что я в хороших отношениях с тремя Внешниками. Но есть не менее пяти гидов, которые умеют устраивать представления получше. И вы же знаете, что Туристы собираются оживить еще четверых анабиотиков из экипажа основателей Средней Америки. Этим ребятам билет гарантирован, если они захотят. - Люди, ставшие взрослыми еще на Старой Земле, две тысячи световых лет отсюда и двадцать тысяч лет тому назад. Кажется, у Средней Америки сейчас нет более ценного экспортного товара. - Если бы они прибыли хоть на пару лет позже, когда я получил бы диплом… может быть, сделал бы себе имя…

Наступило молчание, полное жалости к себе, которое прервал Ларри:

- А ты никогда не думал использовать в качестве билета Болтунью?

- Все время думаю. - Хамид бросил взгляд на темную массу, свернувшуюся у его ног. Болтунья была до ужаса тиха.

Ларри заметил этот взгляд.

- Ты не беспокойся, она балуется с ультразвуковыми имиджерами у меня на полке. - Он кивнул в сторону стеллажей, где между невидимыми приборами играли темно-фиолетовые вспышки. Хамид улыбнулся:

- Тогда, боюсь, ее трудно будет отсюда вытащить. - У него дома стояло несколько ультразвуковых свистков, но Болтунье редко удавалось поиграть с классной аппаратурой. - Да, я с самого начала пытался их заинтересовать Болтуньей. Говорил, что я ее дрессировщик. Но они тут же теряли интерес, когда видели, что она не может быть родом со Старой Земли. Профессор, эти ребята чокнутые! На них можно обрушить сокровища Трансгуманитарной Зоны, а они даже не почешутся. Но дайте им Элвиса Пресли, поющего Брюса Спрингстина, и они вам космопорт на Селене построят!

Ларри просто улыбнулся, как бывало, когда видел перед собой студента, катящегося к академи-

ческой катастрофе. Хамид заговорил спокойнее:

- Да, я понимаю. Они и должны быть чокнутые. Средняя Америка не имела ничего, что могло бы заинтересовать более рассудочных обитателей Вовне. Планета торчала на девять световых лет внутри Медленной Зоны: любая торговля будет медленной и дорогой. Технология Средней Америки была отсталой и, учитывая местоположение планеты, никогда не могла бы стать конкурентоспособной. В пользу этого невезучего мира было только одно: он был непосредственной колонией Старой Земли, причем одной из первых. Трагический полет большого корабля продолжался двадцать тысяч лет - достаточно, чтобы Земля стала легендой для Человечества.

Вовне было много миллионов солнечных систем с планетами, где развился интеллект, равный человеческому. Они почти все могли связываться друг с другом немедленно. В этом просторе человечество было незаметным пятнышком - планет этак четыре тысячи. И даже на них интерес к колонии первого поколения в Медленной Зоне был почти нулевым, но четыре тысячи миров - это все же достаточно: где-то есть эксцентричный богач, где-то историческое общество, религиозное движение, согласные на

двадцатилетнее путешествие в Медленность. Так что Средней Америке оставалось только радоваться этой сборной солянке чудаков. За последние сто лет заглядывали только случайные торговцы да пара караванов Туристов. От этой торговли существенно вырос уровень жизни на Средней Америке. Еще важнее было для многих - в том числе и для Хамида, - что это была единственная замочная скважина, чтобы выглянуть за пределы Зоны. За эти сто лет выбраться Вовне сумели двести среднеамериканцев. Это были правительственные эмиссары, командированные ученые. Но вложения правительства не окупились: из всех улетевших вернулись только пятеро. Двое из них были Ларри Фудзияма и Хусейн Томпсон.

- Да, я, наверное, знал, что это будут фанатики. Но даже они почти не интересуются точностью. Мы очень старались представить им Америку двадцать первого столетия, но ведь и мы, и они знаем, что это было такое: тяжелая промышленность выходит на околоземные орбиты, пятьсот, миллионов людей теснятся в Северной Америке. В лучшем случае у нас получается Америка середины двадцатого столетия, а то и раньше. Я работал как вол, стараясь точно восстановить

наше прошлое. Но если не считать нескольких ребят, которых я искренне уважаю, всем им анахронизмы до лампочки. Будто для них то, что они тут с нами, - уже событие.

Ларри открыл было рот, будто собираясь выдать мысль, но вместо этого улыбнулся и пожал плечами. (Среди его поговорок была и такая: «Если сам не допер, все равно не поймешь».)

- Так после всех этих месяцев ты сумел вызвать интерес к Болтунье?

- У одного моллюска - это тот, кто организовал Тур. Он только что мне прислал письмо, что у него есть покупатель. Вообще он всегда торгуется, вы же его знаете? Так вот, на этот раз он сделал четкое предложение. Плата правительству, проезд для меня до Лотлримара, - это была ближайшая населенная система Вовне, - и кое-какие возможности СБС помимо этого.

- И ты прощаешься со своей зверушкой?

- Да. Я им предложил, чтобы при ней был человек, который умеет с ней управляться: я. Это, кстати, не совсем блеф. Я себе не представляю, как Болтунья кого-нибудь воспримет без моей серьезной помощи. Но они не заинтересовались. Этот слизняк утверждает, что никто не замышляет ей вреда, но… вы ему верите?

- Да, у него обычно слизь прозрачная. Я уверен, ему неизвестно, чтобы кто-нибудь замышлял причинить ей вред… и он достаточно честен, чтобы хоть слегка проверить. Он сказал, кто покупатель?

- Некто - или нечто - под именем «Равна и Тайнз». - Он передал Ларри листок с предложением. «Равна и Тайнз[1] [broken link: #aRan_1237184360]» имели эмблему, похожую на стилизованную лапу с когтями.

- Туриста с таким именем нет.

Ларри кивнул и скопировал листок на свой дисплей.

- Знаю. Так, давай-ка посмотрим… - Он повозился с кнопками. Дисплей был лекционный, дающий изображение на обе стороны. Хамид видел, как Ларри ищет в федеральных базах данных, потом у него приподнялись брови. - Хм-м! «Равна и Тайнз» прибыл только на той неделе. Он вообще не из Каравана.

- Одинокий торговец?

- Не только это. Он болтается за орбитой газовых гигантов - по просьбе нашего слизняка. Федеральная космическая сеть сделала пару снимков.

Показалось размытое изображение чего-то длинного, с осиной талией - типичный таранный

корабль Внешников. Но у него были странные плавники - почти как крылья парусного самолета. Ларри поиграл с дисплеем, и изображение стало резче.

- Ага. Посмотри на аспектное отношение этих плавников. У этого типа - высококлассное оборудование СБС. Здесь, конечно, от него толку мало, но отлично работает в невероятном диапазоне сред. - Ларри насвистел несколько тактов «Кошмарного вальса». - Кажется, перед нами - Торговец с Высот.

Кто-то из транслюдского космоса.

Почти каждый университет Средней Америки имел факультет трансгуманитарных исследований. После возвращения той пятерки это стало популярным. Но почти никто к этому не относился всерьез. Обычно Трансгум был нелюбимым побочным ребенком факультетов религий или астрономического либо компьютерного факультета, помойкой для выбрасывания шарлатанов и бездарностей. Лентяй Ларри организовал этот факультет в Энн-Арборе и большую часть лекционного времени посвящал красноречивому разоблачению его шарлатанства. Представьте себе - изучение того, что дальше, чем Вовне! Даже Туристы избегали говорить на эту тему.

Транслюдской космос существовал - и, быть может, охватывал большую часть вселенной, но тема эта была хитрой, опасной и двусмысленной. Ларри утверждал, что его существование - основной двигатель экономики Вовне… но все теории на эту тему были слухами из вторых рук. Ларри гордо заявлял, что сумел поднять трансгуманитарные науки до уровня хиромантии.

Но вот… очевидно, прибыл торговец, регулярно проникающий в трансгуманитарные пределы. Если бы правительство не приглушило эту весть, она бы затмила даже появление Каравана. И вот этот хотел получить Болтунью. Хамид почти непроизвольно наклонился погладить зверя.

- Н-но вы же не думаете, что там может быть что-то сверхчеловеческое, на этом корабле.

Еще час назад он мучился болью расставания с Болтуньей, но это были еще цветочки по сравнению с тем, что есть сейчас.

Какую-то минуту казалось, что Ларри в ответ просто пожмет плечами.

- Если мы хоть что-то понимаем правильно, то ничто сверхчеловеческое на таких глубинах не может нормально мыслить. Даже Вовне они погибают, или распадаются, а может быть, образуют цисты. Я думаю, что «Равна и Тайнз» - это

интеллект уровня человека, но он может быть куда опаснее среднего

Внешника… из-за известных ему хитростей, приборов, которые у него есть.

Ларри замолчал, уставясь на сорокасантиметровую статую на столе. Она была ярко-зеленой, будто вырезанной из цельного куска нефрита.

Зеленой? Разве она не была черной минуту назад?

Ларри резко поднял глаза на Хамида.

- Поздравляю. Твоя проблема куда интереснее, чем ты думал. Зачем Болтунья Внешнику, тем более Торговцу с Высот?

- Ну, наверное, это редкий вид. Я ни одного Туриста не видел, который бы ее узнал.

Лентяй Ларри просто кивнул. Космос глубок, а Болтунья может быть откуда-то из Медленной Зоны.

- Когда она была щенком, ее много народу изучало. Вы видели статьи. У нее мозг большой, как у шимпанзе, но почти вся его мощность используется для управления мембранами и анализа того, что она слышит. Один человек сказал, что это полная вербальная ориентация - сплошной рот без разума.

- Ага, как у студента.

Этот ларризм Хамид пропустил мимо ушей:

- Вот посмотрите. - Он потрепал Болтунью по плечу. -Она отреагировала не сразу - наверное, увлеклась игрой с ультразвуком. Но потом подняла голову.

- В чем дело? - Интонация была естественной, голос - молодой, женский.

- Некоторые считают, что она просто попугай. Она может воспроизводить звуки лучше качественного магнитофона. Но у нее есть любимые фразы, которые она произносит разными голосами - и почти уместно. Эй, Болтунья, что это?

Хамид показал на электрический радиатор, который Ларри подтолкнул ногой. Болтунья высунула голову из-за угла стола, посмотрела на вишнево-красные спирали. Нагреватель был не такой, как у Хамида дома.

- Что это? - Болтунья с любопытством вытянула голову в сторону свечения, но чуть перестаралась и ткнулась носом в оградительную сетку. Горячо! - Она отпрыгнула, сунула нос в шерсть на шее и вытянула переднюю ногу в сторону радиатора. - Горячо! Горячо! - Она села на корточки и осторожно облизнула нос. - Ой-ой-ой!

И посмотрела на Хамида одновременно с укором и расчетливо.

- Честно, Болтунья, я не думал, что ты его тронешь… Мне от нее за это еще достанется. Чувства юмора у нее хватает только на устройство каверз, но в этом она усердствует.

- Да, я помню, Зоологическое Общество выпускало по ней отчет.

Фудзияма широко улыбался. Хамид всегда подозревал, что у Ларри и Болтуньи одинаковое понятие о юморе. Побывав на нескольких лекциях Ларри, она даже стала хихикать тем же скрипучим смешком.

Ларри отодвинул радиатор, обошел стол и присел, чтобы глаза были на уровне глаз Болтуньи. Он сейчас был весь сплошная заботливость, и не зря: перед ним была пасть, полная острых зубов, и кто-то наигрывал песню «Бомба времени». Потом музыка стихла, и Болтунья закрыла пасть.

- Не верю, что в ней не прячется разум, эквивалентный человеческому. Нет, правда. У меня был когда-то первокурсник, который в начале семестра был еще хуже. Откуда столько вербализации без интеллекта, которому она нужна? - Ларри протянул руку и погладил Болтунью по плечам. - Как, детка, лопатки не чешутся? Ручки не прорастают?

Болтунья склонила голову набок:

- Я люблю летать.

Хамид давно уже думал о сценарии по Хайнлайну: научная фантастика Старой Земли в курсе АМЛ изучалась достаточно подробно.

- Если она еще ребенок, то умрет раньше, чем вырастет. Содержание кальция в костях и мышечная сила уменьшились настолько, насколько можно было бы ожидать у человека тридцати лет.

- Гм, да. А мы знаем, что она твоего возраста. - То есть двадцать. - Я полагаю, что она могла бы быть фрагментом личности. Но обычно это трансгумы с мозговым повреждением или явные конструкты. - Ларри вернулся за свой стол и начал что-то немелодично насвистывать. Хамид заерзал в кресле. Он пришел за советом, а получил выше головы поразительных новостей. Удивляться, зная Ларри не стоило. - Что нам нужно - это информации куда больше, чем есть сейчас.

- Ну, я мог бы прямо потребовать от моллюска рассказать мне больше. Но как заставить Туриста мне помогать - понятия не имею.

Ларри небрежно отмахнулся.

- Я не про это. Конечно, я запрошу Лотлримар. Но дело в том, что Туристы находятся в конце путешествия в никуда длиной в девять световых

лет. Библиотеки, что у них с собой, - это вроде тех, что берешь на каникулы в Южные Моря - и устаревшие к тому же. А правительство Средней Америки уж точно не знает, где искать. Разве они обратились бы ко мне, не будь они в отчаянном положении? Нет, что нам нужно - так это прямой доступ к библиотечным ресурсам Вовне.

Он сказал это небрежно, будто о дополнительном телефонном аппарате, а не о решении главной проблемы Средней Америки. При этом он заговорщицки улыбался Хамиду, но юноша не поддался. Наконец Ларри сам спросил:

- Ты не задался вопросом, почему кампус - особенно Морал-Холл - кишит копами?

- Задался.

«Задался бы, если бы мысли не были заняты другим».

- Один из серьезных Туристов - Скандр Врини-мишринитан -привез с собой предмет трансгуманитарного происхождения. Он его придерживал несколько месяцев, надеясь получить то, что хочет, иным способом. Федералы - надо отдать им должное - не поддались. Тогда он вытащил свое секретное оружие. Оно в этой комнате.

Глаза Хэма метнулись к резному камню на столе (теперь сине-зеленому). Ларри кивнул.

- Это ансибль.

- Но ведь они его так не называют!

- Нет, но это он.

- То есть все эти годы нам лгали, что СБС в Зоне работать не будет?

«Значит, я зря потратил жизнь, пытаясь зацепиться за Туристов?»

- На самом деле нет. Посмотри на эту штуку. Видишь, цвета меняются? Я готов присягнуть, что масса и размер тоже. Это подлинный предмет трансгуманитарного происхождения. Конечно, не разум, но и не человеческий проект, созданный в транслюдском космосе. Скандр утверждает, и я ему верю, что такого нет больше ни у одного Туриста.

Предмет трансгуманитарного происхождения. К восхищению Хамида примешивался оттенок страха. О таком можно было услышать только в теоретических абстракциях на занятиях, которые вели полные психи.

- Скандр утверждает, что этот прибор «настроен» на один из коммерческих портов Лотлримара. И по нему мы можем разговаривать с любым зарегистрированным адресом Вовне.

- Без задержки. - Голос Хамида прозвучал очень тихо.

- Почти. Требуется небольшое время для выхода на универсальный горизонт событий: есть тонкие ограничения, если ты движешься на релятивистских скоростях.

- А в чем минусы?

- Умница! - рассмеялся Ларри. - Скандр признал несколько. Эта штука не будет работать глубже десяти световых лет в Зону. Я готов поспорить, что в Галактике не найдется и двадцати планет, которым она была бы на пользу, но нам она точно подойдет. Потом, этот фокус требует колоссальной энергии. Скандр говорит, что запуск этой малышки приглушит наше солнце на полпроцента. Для среднего человека незаметно, но могут быть неприятные долговременные последствия. - Короткое молчание, как часто бывало у Ларри после преуменьшений космического масштаба: - А с твоей точки зрения, Хамид, есть один большой минус. Средняя скорость этого прибора - меньше шести бит в минуту.

- Чего? Десять секунд на передачу одного бита?

- Ага. На терминале Лотлримара Скандр оставил три протокола: ASCII, кодировку Хэмминга на подмножество английского и схему искусственного интеллекта, которая догадывается, что бы ты сказал, если бы использовал больше битов.

Первое - это у Скандра юмор, а третье, по моему мнению, принятие желаемого за действительное. Но кодировка Хэмминга позволит даже послать коротенькое письмо - скажем, пятьсот английских слов, и уложиться в один день. Устройство полнодуплексное, так что приличный кусок ответа можешь получить за то же время. Красиво, правда? В любом случае лучше, чем ждать двадцать лет.

Хамид вообще думал, что это самая большая сенсация, после первого контакта, сто лет назад.

- Но… а почему они принесли это вам, профессор? Ларри оглядел свой кабинет-Дыру, улыбаясь все шире.

- Хе-хе. Действительно, наш президент был одним из пяти, он побывал Вовне. Но только у меня есть Вовне настоящие друзья. Понимаешь, федералы в этом деле сильно подозрительны. Потому что взамен Скандр хочет получить почти весь наш банк зигот. Федералы запретили частную продажу зигот человека. Большой моральный вопрос. «Ни один не рожденный ребенок не будет продан в рабство или для худшей участи». Теперь они сами собираются это сделать, настолько хотят получить ансибль. Но что если это фальшивка, соединенная с какой-нибудь липовой

базой данных на корабле Скандра? Тогда они теряют некоторую генетическую гибкость, если даже не продадут дюжину детишек в ад - а получают за свое горе цветную безделушку.

Поэтому Скандр им одолжил это устройство на неделю, а федералы отдали мне, выдав почти карт-бланш. Я могу звонить старым друзьям, обмениваться похабными анекдотами, и пусть солнце при этом меркнет. А через неделю я представлю отчет, действительно ли эта штука общается с Вовне.

Я-то тебя знаю…

- Но у вас же есть и собственная цель?

- Конечно. До твоего появления главным было проверить фонд, который спонсирует Скандра: все ли там так чисто, как он говорит. А теперь… твой случай не так важен морально, но очень интересен. Следует найти время для того и другого. Я воспользуюсь любезностью Скандра и пошарю по сети, проверю, слышал ли хоть кто-нибудь о Болтуньях или об этом самом «Равна и Тайнз».

У Хамида близких друзей не было. Иногда он думал, не наказание ли это за его странное воспитание или просто он от природы неконтактен. Да, он пришел к Фудзияме за помощью, но ожидал лишь цепочки колючих вопросов, которые на-

ведут его на какой-то ответ. Теперь, кажется, он оказался объектом любезности мирового масштаба. Это вызывало одновременно и благодарность, и подозрение. Хамид несколькими неуклюжими словами выразил первое.

Ларри пожал плечами.

- Мне это нетрудно. Я человек любопытный, а сейчас мне в руки попали средства, чтобы это любопытство удовлетворить. - Он погладил ансибль. - Но вот что тебе может быть полезно: пока что Среднюю Америку иногда дурили, но ни один Внешник силы против нас не применял. Одно из преимуществ системы Караванов: в интересах Туристов держать друг друга в рамках. С «Равной и Тайнзом» может выйти иначе. Если это действительно Торговец с Высот, он может просто хапнуть, чего захочет. Я бы на твоем месте сейчас присматривал за Болтуньей получше. И я попрошу, чтобы слизняк перетащил баржи Туристов в небо над кампусом. Пока ты остаешься поблизости, мало что будет происходить такого; о чем они не узнают.

«Ну, видишь, как я тебе помог? На твой вопрос ответа не дал, зато у тебя есть теперь ворох новых причин для беспокойства».

Ларри откинулся в кресле и заговорил серьез-

но:

- Но мне на твой исходный вопрос мало есть чего сказать, Хамид. Если окажется, что «Равна и Тайнз» - личность достойная, тебе придется самому решать, отдавать ли Болтунью. Я ручаюсь, что любое создание, думающее, что оно думает, - даже трансгумы - беспокоится о том, чтобы правильно поступать с собой и с теми, кого оно любит. Я бы… черт побери! Почему тебе отца не спросить, Хусейна? У него просто сердце разбито с тех пор, как ты уехал.

Хамид почувствовал, как горят щеки. Отец мало что хорошего говорил о Фудзияме. Кто бы мог подумать, что эти двое будут говорить о нем? Знал бы Хамид заранее, он бы сюда не пришел ни за что. Сейчас подмывало вскочить и заорать на старика, чтобы не лез не в свое дело. Но Хамид лишь покачал головой и тихо ответил:

- Тому есть личные причины.

Ларри посмотрел внимательно, будто решая, стоит ли докапываться до сути. Одно только слово, и Хамид знал, что нарыв тут же прорвется. Но старик вздохнул, заглянул за край стола, где лежала Болтунья, пожирая глазами радиатор.

- Слушай, Болтунья, присматривай за этим мальчишкой получше.

Болтунья ответила таким же пристальным взглядом:

- А как же!

Квартира Хамида была на южном краю кампуса. Она была большая и дешевая, что могло бы показаться удивительным для старейшего университета планеты всего в нескольких километрах к югу от столицы. Задняя дверь выходила на километры девственных лесов. Еще не скоро начнется разработка земель к югу отсюда. Первые зоны посадки были всего в двадцати километрах, и в сильную бурю на север мог залетать горячий материал. Пусть всего пятьдесят процентов от естественного фона, но если для колонизации свободна вся планета, зачем расширять города в сторону зон первой посадки?

Хамид поставил общественный велосипед к стойке перед домом и тихо обошел здание. Наверху был свет, стояли обычные мопеды других жильцов. Позади, в конце дома, стояло что-то… тьфу ты черт, это хэллоуинское пугало!

Хамид и Болтунья прошли в свой конец здания. Сумерки уже угасли, и лун на небе не было. Концы пальцев замерзли до онемения. Он сунул руки в карманы и остановился, чтобы посмотреть на небо. Звездолеты Каравана на этой долготе

держались на синхронной орбите, цепью ярких точек в южном небе. И что-то темное, слишком правильной формы для облака, висело прямо над головой. Наверное, защита, которую обещал Ларри.

- Я есть хочу.

- Подожди минутку, сейчас придем.

- Ладно.

Болтунья доверчиво привалилась к ноге Хамида и загудела. Она казалась толстой, но это был просто распушенный мех. Такая погода, кажется, была ей приятнее всего. Хамид загляделся на звездные поля. Сколько раз уже он так стоял, пытаясь понять, что говорят звезды? Большой Квадрат должен был через час зайти. Пятая по величие звезда этого созвездия была солнцем Лотлримара. Там и вокруг можно было путешествовать быстрее света - даже землянину двадцать первого столетия. Если бы Средняя Америка была бы еще на десять световых лет дальше центра галактики, миром Хамида было бы все Вовне. .

Он обвел небо глазами. Почти все, что было ему видно, находилось в Медленной Зоне. Она тянулась отсюда на четыре тысячи световых лет внутрь, если верить Внешникам. Миллиар-

ды звездных систем, миллионы цивилизаций - запертых. И почти все они понятия не имеют об этом.

Даже у Внешников были только невнятные обрывки сведений о цивилизациях внизу, в Медленной Зоне. Наверняка снова и снова изобретаются звездолеты, распространяются колонии, собираются знания и чаще всего теряются в долгом и медленном безмолвии. В этих цивилизациях есть теории, почему ничто не может двигаться быстрее света - даже перед лицом явно сверхсветовых событий на дальних расстояниях. Есть теории, объясняющие, почему разум, эквивалентный человеческому, является наивысшим из когда-либо найденных или созданных. Те, кто живет там, внизу, - счастливейшие народы, их теории доказывают им, что они - венец творения. Была бы Средняя Америка всего на сто световых лет глубже, Хамид никогда не узнал бы правды. Он любил бы свой мир и торжествующую на нем цивилизацию.

Взгляд Хамида проследил Млечный Путь до западного горизонта. Здесь свет был не ярче, чем над головой, но зато созвездия были знакомы. Он смотрел в центр галактики и вяло улыбался. В научной фантастике двадцатого столетия эти

звездные облака считались домом «старших рас», богоподобных разумов… А Туристы эти области галактики называют «Бездной». «Безмысленной Бездной». Там не только СБС невозможна, но и вообще разум. Так считают Туристы, но наверняка они знать не могут. Самый быстрый автоматический зонд, запущенный в Бездну, пришел примерно через десять тысяч лет. Такие экспедиции случались редко, хотя и были хорошо документированы.

Хамид поежился и опустил глаза вниз. Возле газона молча сидели четыре кота, глядя на Болтунью.

- Не сегодня, Болтунья, сказал он, и они пошли в дом. В помещении все было нетронутым: обычный хаос. Хамид выдал Болтунье ее ужин и разогрел себе суп.

- Тьфу! Эта дрянь воняет хуже дерьма!

Болтунья покачалась на корточках, издавая звуки рвоты. Мало кому грехи детства являются так очевидно, как Хамиду Томпсону. Он помнил, что за обеденным столом иногда говорил именно такие слова. Жаль, что мама ему рот не затыкала тряпкой.

Хамид поглядел на куски курицы.

- Лучшее, что мы можем себе позволить, Бол-

тунья.

У него уже кончались сбережения, накопленные, за год работы с Туристами. Быть гидом - это такая привилегия, что насчет платы за работу никто и не думал.

- Тьфу!

Но Болтунья начала клевать.

Глядя, как она ест, Хамид понял, что одна из его проблем уже решена. Если «Равна и Тайнз» не возьмут его как «дрессировщика» Болтуньи, могут мотать в свое Вовне несолоно хлебавши. Кроме того, надо получить более серьезное подтверждение от слизняка - а через ансибль он может обратиться прямо в Лотлримар, - что обещаниям «Равны и Тайнза» можно верить. Разговор с Ларри всколыхнул все кошмарные страхи, из-за которых многие требовали вообще отказаться от Каравана. Кто знает, что сталось с теми, кто остался с Внешниками? Почти все среднеамериканские знания о Вовне были получены менее чем от тридцати кораблей и тысячи незнакомцев. Непонятных незнакомцев. Если бы не те пятеро, которые вернулись, обратной связи был бы ноль. Из этих пяти… ладно, Хусейн Томпсон для Хамида загадка: с виду добряк, в душе - злобный кондотьер. Лентяй Ларри тоже загадка:

беззаботный весельчак, ясно дающий понять, что ты лучше дважды подумай о том, что тебе люди говорят. Но от всех пятерых можно было четко добиться одного: космос глубок. Вовне находятся миллионы цивилизованных миров, тысячи межзвездных империй. В такой огромности не может быть единого понятия о том, что такое закон и порядок. Всюду процветают сотрудничество и просвещенный эгоизм… но за этим кроются кошмары.

Так что же делать, если «Равна и Тайнз» его не возьмут или не смогут представить убедительных доказательств? Хамид пошел в спальню и врубил новости, полившиеся потоком цвета и звука. Средняя Америка - красивая планета, и до сих пор почти полностью пустая. Теперь, когда Караван привез аграватационные пластины и ядерные генераторы, работающие при комнатной температуре, жизнь здесь станет еще прекраснее… а через двадцать или тридцать лет может прийти новый Караван. Если сам Хамид и Болтунья- еще не успокоятся - что ж, времени на подготовку хватит. Ларри Фудзияма имел сорок лет от роду, когда улетел Вовне. - Хамид вздохнул, успокоившись впервые за много дней.

Телефон зазвонил сразу после новостей. Имя

вызывающего заплясало красными буквами по экрану: РАВНА. Ни местоположения, ни темы вызова. Хамид сглотнул слюну. Потом подскочил на кровати, повернул камеру телефона на единственный не загроможденный стул в углу и сел там. Потом принял вызов.

Равна - это был человек. Женского пола.

- Пожалуйста, мистера Томпсона.

- Э-это я. Проклятое заикание.

Сначала реакции не было. Потом по ее лицу пробежала мимолетная улыбка. Не дружелюбная, скорее нервная.

- Я звоню по поводу животного. Вы его называете Болтуньей. Наше предложение вы слышали. Я готова его улучшить.

Под ее слова в комнату вошла Болтунья и прошла через поле зрения телефона. Равна ее будто не заметила. Странно. Рядом с экраном горел огонек передачи видео. Болтунья зажужжала. Прошло полсекунды, и лишь тогда Равна отреагировала - легким удивлением:

- И в чем это улучшение состоит?

И снова полусекундная пауза. Эти самые «Равна и Тайнз» были сегодня куда ближе гигантских планет, хотя и не на Средней Америке.

- У нас есть устройства, позволяющие связы-

ваться со скоростью больше световой с любой планетой в… Вовне. Подумайте, что это значит. Если вы останетесь на Средней Америке, вы станете самым богатым человеком планеты. Если вы решите улетать, то улетите с чувством, что помогли сделать своему миру шаг из темноты.

Мысли Хамида полетели быстрее, чём когда бы то ни было - если не считать устных экзаменов у Фудзиямы. Подумать было над чем. Равна говорила по-английски более бегло, чем любой Турист, но произношение было ужасным. Ударения были такими странными, что речь становилась почти неразборчива, и артикулировала она тоже не очень четко.

И в то же время он должен был понять, что она говорит, и найти правильный ответ. Хамид возблагодарил Господа, что уже знает об ансибле.

- Мисс Равна, я согласен. Это действительно улучшение. И все же мое прежнее требование сохраняет силу. Я должен сопровождать своего зверя. Только я знаю, что ей нужно. - Он склонил голову набок. - А у вас будет под рукой эксперт, что удобно.

Пока он говорил, она мрачнела. Злилась? Кажется, ее враждебность вызывал он лично. Но когда он закончил, на ее лице уже было подобие

дружелюбной улыбки.

- Конечно, это мы тоже организуем. Мы просто раньше не понимали, насколько это для вас важно.

«Ну и ну! Даже я лучше умею врать».

Эта самая Равна привыкла получать, что ей нужно, без необходимости врать в глаза, или у нее действительно есть эмоциональные проблемы. Как бы там ни было…

- А поскольку мы с вами вряд ли находимся в равном положении, нужно также как-то договориться с Лотлримаром, чтобы там скрепили наше соглашение.

Кое-как натянутая улыбка сползла с ее лица.

- Это абсурд! - Она посмотрела куда-то в сторону от камеры. - Лотлримар о нас ничего не знает… Я стараюсь удовлетворить вас, но вы должны знать, Хамид Томпсон: я - родственный вам, человеческий участник нашей группы. А мистер Тайнз очень нетерпелив. Я пытаюсь его сдерживать, но если он выйдет из себя… может произойти такое, что всем нам будет неприятно. Вы меня понимаете?

Сначала ложь, потом деликатность бульдозера. Хамид подавил улыбку. Аккуратнее. Может быть, ты принимаешь истинное безумие за блеф.

- Да, мисс Равна, я вас понимаю, и ваше предложение весьма щедрое. Но… мне нужно обдумать. Вы мне можете дать еще немного времени?

«Чтобы успеть пожаловаться директору Тура».

- Да. Сто часов нас устроит.

Когда она отключилась, Хамид еще долго сидел, невидящими глазами глядя в экран. Кто же такая эта Равна? За двадцать тысяч лет колонизации на планетах подиковиннее Средней Америки разнообразие человеческих форм зашло далеко. Почти между всеми детьми Земли, возможно, было скрещивание, хотя они отличались друг от друга куда больше, чем расы родной планеты. Равна была больше других Туристов похожа на женщину Земли. Если считать, что у нее рост нормальный, она вполне могла бы сойти за американку с Ближнего Востока: крепкая, темнокожая, черноволосая. Но были и различия: складка эпикантуса около глаз и радужки невероятно фиолетового цвета. Однако все это было тривиально по сравнению с ее манерой поведения.

Почему она не получала видео Хамида? Она слепа? Нет, в остальном так не казалось, он вспомнил, как она оглядывалась вокруг. Может быть, она что-то вроде имитатора личности. В американской научной фантастике конца двадцатого

века это был стандартный ход, но идея себя изжила, когда в начале двадцать первого компьютеры вышли на предел своей производительности. А вот Вовне такие вещи должны быть возможны, а уж в транслюдском космосе - наверняка. Здесь они, конечно, будут работать не очень хорошо. Может быть, эта самая Равна - просто графическая заставка для мистера Тайнза, кем бы он ни был.

Но почему-то Хамид думал, что она реальна. Она на него подействовала чисто по-человечески. У нее точно была хорошая фигура, вполне различимая под мягкой белой рубашкой и штанами. И Хамид точно сходил с ума по девчонкам последние пять лет, бывал таким озабоченным, что даже глазеть на манекены в магазинах Маркетта и то уже было приятно. Но при всей своей сексуальности Равна в этом смысле не была примечательна. Ничего не было в ней такого, как в Джилли Вайнберг или в жене Скандра Вринимишринитана. Но если бы он встретил ее в университете, то постарался бы привлечь ее внимание куда больше, чем было с Джилли… а это очень много.

Хамид вздохнул. Наверное, это все только подтверждает, насколько он сам спятил.

- Хочу гулять! - Болтунья потерлась о руку Ха-

мида. Он заметил, что вспотел, несмотря на холод в комнате.

- Господи, только не сегодня, Болтунья.

Хамид понимал, что «Равна и Тайнз» сильно блефуют. С другой стороны, ясно было, что они из тех, кто просто забирает, что им надо, если это возможно.

- Хочу гулять! - Голос Болтуньи стал громче.

Она много ночей проводила вне дома, обычно в лесу, и тогда в помещении можно было ее заставить быть потише. Для нее это был шанс поиграть со своими любимцами: соседскими котами, а иногда даже собаками. Когда Хамид и Болтунья здесь поселились, вокруг шла война. И вдруг порядок иерархии был пересмотрен, а два самых свирепых пса просто исчезли. И дальше получилось очень необычно. Коты были зачарованы Болтуньей. Они болтались возле двора, просто чтобы взглянуть на нее, а когда она была с ними, они даже между собой не дрались. Ночи вроде сегодняшней были самыми лучшими. Через пару часов должны были взойти Селена и Диана, серебряная луна и золотая. В такие ночи, когда между тенями лежали пятна золота и серебра, Хамид часто видел, как Болтунья мелькает на опушке в сопровождении дюжины последователей.

Но сейчас - «Не сегодня, Болтунья!» Тут последовал главный аргумент: Болтунья выдала рок-музыку и детскую передачу на полной громкости. Это еще был не самый громкий шум, на который она была способна - иначе Хамиду было бы просто больно. А это скорее было похоже на дешевый плейер, выведенный на максимум. В конце концов начали бы жаловаться соседи по дому, но, к счастью для Хамида, ближайшие квартиры не были заняты.

Через двадцать минут грохота Хамид смог перевести борьбу в «игру в людей». Как многие Домашние животные, Болтунья считала себя человеком, но, в отличие от кошки, собаки или даже попугая, она могла сносно человека изобразить. Беда была в том, что ей не всегда попадались люди, имеющие терпение для этой игры.

Они садились друг напротив друга за столом, и Болтунья неуклюже клала на него лапы. Хамид начинал с какого-нибудь вопроса, тема не имела значения. Болтунья с умным видом кивала, раздумывая над ответом. По абстрактным темам она обычно отвечала чушь, смысл в которой могли бы найти лишь любители гадания на кофейной гуще. Но это было все равно - Хамйд подхватывал каким-нибудь замечанием или смеялся, если

казалось,что Болтунья хотела пошутить. Темп, интонации - все было точно как в разговоре людей. Человек, не знающий английского, мог бы решить, что идет непринужденная беседа двух друзей.

- А изобразить можешь, Болтунья? Джо Ортега. Президента Ортега. Можешь?

- Хе-хе. -Скрипучий смешок Ларри. - Не торопите меня, я думаю. Ду-ма-ю!

Бывали имитационные игры разных типов. Например, Болтунья могла повторять слова Хамида, но другим голосом. Использование этого фокуса по голосовой связи без видео было ее любимой игрой, потому что аудитория верила, будто говорит с человеком. А то, чего попросил Хамид, обещало не меньше веселья, если Болтунья подыграет.

Она поскребла челюсть когтем.

- О да! - произнесла она напыщенно и чуть не соскользнула на пол, но удержалась. - В эти трудные времена мы должны сплотиться в труде!

Слова из последней речи Ортега, простое воспроизведение. Но когда разговор пошел дальше и она стала отвечать на вопросы Хамида экспромтами, Президент Средней Америки получался у нее безупречно. Хамид хохотал и не мог остановиться. Ортега был одним из пяти вернувшихся

- не слишком талантливый человек, но амбициозный и с большим самоуважением. Это наводило на мысль, что даже крохи знаний Внешников хватило ему, чтобы подняться до вершины всепланетного государства. Эти пятеро были Очень крупными рыбами и в очень маленьком прудике - так формулировал Ларри Фудзияма.

Болтунья невероятно любила играть, и вскоре увлекалась до самозабвения. Она стала размахивать передними лапами, потеряла равновесие и хлопнулась на пол.

- Ой! - Она вскочила обратно, поглядела на Хамида - и тоже начала хохотать. Полминуты они не могли разогнуться от смеха. Такое раньше случалось. Хамид считал, что Болтунья не воспринимает юмора выше уровня клоунских пинков в зад, а этот смех - имитация, изображение человека.

- Бог ты мой! - Она плюхнулась на стол, «захлебываясь» от хохота, охватив шею передними лапами, будто пытаясь сдержаться.

Потом смех ослаб, и она только еще пофыркивала, потом совсем затихла. Хамид протянул руку и погладил жесткую шерстку мембраны на лбу Болтуньи.

- Ты хорошая девочка, Болтунья.

Темные глаза приоткрылись, посмотрели на него. Болтунья издала что-то вроде вздоха, отозвавшегося дрожью в ладони Хамида.

- А как же!

Хамид оставил занавески наполовину раздвинутыми и окно приоткрытым, чтобы Болтунья могла сесть возле него и глядеть наружу. Лежа в темной спальне, он любовался ее силуэтом на фоне серебряного и золотого света лун. Она прижималась носом к экрану, длинная шея выгнулась, давая головным и плечевым мембранам хороший обзор наружу. То и дело она дергала головой на пару миллиметров в сторону, будто снаружи происходило что-то очень интересное.

Самым громким звуком было еле слышное стрекотание тараканов в лесу. Болтунья вела себя очень тихо - по крайней мере в доступном Хамиду диапазоне, - и он был ей за это благодарен. Действительно хорошая девочка.

Он вздохнул и натянул на себя одеяло. День был трудным, из таких, когда жизненные проблемы становятся перед тобой во весь рост.

Ближайшие дни надо быть очень внимательным: не удаляться от Маркетта и Энн-Арбора, не оставлять Болтунью без присмотра. Слава Богу, хоть защита слизняка выглядела надежной. На-

до бы сказать Ларри о втором ансибле. Если бы «Равна и Тайнз» просто обратились с ним, прямо в правительство… это было бы опаснее всего. При всех правильных разговорах и ограничениях на частные продажи федералы собственную бабушку продадут, если сочтут это полезным Интересам Планеты. Слава Богу, что ансибль у них уже есть - или почти есть.

Забавно, как после стольких лет и мечтаний оказалось, что Внешникам нужна именно Болтунья…

Хамид был усыновленным ребенком. Родители ему сказали об этом, как только он мог понять, что это значит. И где-то после этого он догадался, что отец привез его с собой… Извне. Каким-то образом Хас Томпсон сохранил этот факт неизвестным широкой публике. Конечно, правительство знало и сотрудничало с ним. В те ранние времена - раньше, чем его заставили пойти в математическую школу, - это был его счастливый секрет, и он думал, что ему полностью принадлежит вся родительская любовь. Знание, что он на самом деле Оттуда, просто давало ему ощущение, которое у большинства любимых детей и так есть - что он чем-то особенный. Тайной мечтой было, что он что-то вроде принца в изгнании Извне. А когда он

вырастет, когда прибудут корабли Извне… тогда его призовет судьба.

Поступление в математическую школу в восемь лет казалось частью этой судьбы. Родители были очень в нем уверены, хотя результаты у него получались едва ли выше нормальных способностей… И тот год был крахом невинности. Он не был гением, как ни настаивали на этом родители. Битвы, его слезы, их уговоры. Кончилось тем, что мама оставила Хусейна Томпсона до тех пор, пока этот человек не образумится и не отправит ребенка в нормальную школу. Жизнь дома переменилась навсегда. Мамины посещения, напряженные и слишком редкие… Но возненавидел Хамид своего отца лишь через пять лет после этого. Это был случайно подслушанный разговор. Хусейн, оказывается, был нанят, чтобы воспитывать Хамида именно так: запихивать его в университет, выкручивать, уничтожать его. Отец не стал опровергать обвинений. Его попытки «объяснить» были неясным бормотанием… хуже лжи. Если Хамид и был принцем, то таким, которого сильно ненавидели.

Эти воспоминания оставили глубокие борозды, по которым он часто соскальзывал, засыпая… Но сегодня было как-то по-другому, что-то иронич-

ное до волшебства. Все эти годы… все эти годы пропавшей принцессой была Болтунья!

Раздалось шипение. Хамид с усилием проснулся, борясь со страхом и недоумением. Перекатившись на край кровати, он всмотрелся, заставляя глаза видеть. Звезды в окне.

Болтунья. Она уже не сидела у оконного экрана. Наверное, у нее был кошмар. Они случались редко, но впечатляли. Однажды зимней ночью Хамид проснулся от звуков настоящей грозы. Сейчас было не так громко, но…

Он посмотрел в угол, где лежали ее одеяла. Да. Она была там и смотрела в его сторону.

- Болтунья? Все хорошо, детка.

Нет ответа. Только шипение, на этот раз громче. Это не от нее! На мгновение мозг охватил паралич, как кролика под взглядом удава. Потом Хамид включил свет. Никого. Звук шел от компьютера, но экран оставался темным. Я с ума спятил.

- Болтунья?

Он никогда еще ее такой не видел. Глаза у нее были широко раскрыты, вокруг радужек показались белки. Передние ноги вылезли из-под одеял, выпущенные когти глубоко вонзились в пластик пола. Из пасти свисала слюна.

Он встал, пошел к ней, и тут шипение превратилось в голос, и голос заговорил:

- Она мне нужна. Слышишь, человек, она нужна мне, и я ее возьму. - Ее, Болтунью.

- Как вы вышли на мой компьютер? Зачем вы ко мне лезете?

Дурацкие слова, но зато удалось стряхнуть с себя плен кошмара.

- Мое имя - Тайнз. - Хамид сразу вспомнил когти на эмблеме «Равна и Тайнз». Ничего себе. - Мы сделали щедрое предложение. Мы были терпеливы. Наше терпение кончилось. Я возьму ее. Если это означает смерть всех вас, м-мясной скотины, то так и будет. Но я ее возьму.

Шипение почти исчезло, но голос звучал как из дешевого синтезатора. Построение фраз и акцент были как у Равны. Либо это то же лицо, либо они изучали английский по одному источнику. Но Равна казалась сердитой, а этот Тайнз - просто маньяком. Если не считать легкого заикания на слове «мясной», голос звучал неумолимо. И теперь ясно, зачем Внешникам понадобилась его зверушка. В голосе был голод, жажда крови или насилия.

Гнев Хамида переборол страх.

- А ты сам себя трахни, космическое чудище! У

нас есть защита, а то ты не стал бы блефовать.

- Блефовать?! Блефвовдвово…

Голос захлебнулся собственной злостью. За спиной вскрикнула Болтунья. Шум стих.

- Я не блефую. Хусейну Томпсону уже пришлось узнать, что бывает с теми, кто становится мне на дороге. Ты погибнешь со всем своим народом, если мне ее не доставят. Возле твоего… дома стоит наземная машина. Отъезжай На ней на пятьдесят километров, иначе узнаешь то, что узнал Хусейн Томпсон, - что я никогда не блефую.

И голос мистера Тайнза стих.

Но это наверняка был блеф! Если у Тайнза есть на это силы, почему не смахнуть с неба Туристов и не забрать Болтунью? А он еще так глупо действует. Чуть поумнее соврать неделю назад, и получил бы что хотел без крика. Такое впечатление, что они представить себе не могут, будто кто-то их ослушается - или их приперло до потери рассудка.

Хамид повернулся к Болтунье, потянулся погладить ее по шее. Иглы зубов клацнули на рукаве его пижамы.

- Болтунья!

Она выпустила рукав и забилась в кучу одеял, чуть посвистывая, как в тот раз, когда ее сбил

трехколесный пикап. Отец Хамида тогда предположил, что это ее естественные звуки, вроде как всхлипывания или стук зубов у человека. Хамид опустился на колени, бормоча что-то успокаивающее. На этот раз она позволила погладить себя по шее. Хамид увидел, что она обмочила свое ложе. Болтунья в детстве перестала это делать примерно одновременно с ним. Блеф это был или нет, но ее напугали донельзя. Тайнз утверждал, что может убить всех. Хамид вспомнил ансибль, этот проклятый телефон, от которого меркнет солнце.

Блеф или безумие?

Он подобрался к компьютеру и набрал номер директора Тура, моля всех богов, чтобы моллюск ночью принимал не только почту. Звонок прозвенел дважды, и Хамиду открылась панорама верхушек облаков и голубого неба. Похоже было на вид Средней Америки сверху, только облака тянулись бесконечно, пропадая в дымке. Это был снимок с десятого уровня над Лотлримаром. Ясно, что слизняк выбрал его для успокоения звонящих абонентов-людей, а также из верности натуре, своего родного мира - субъюпитерианского типа планеты тридцати тысяч километров в поперечнике.

Пять секунд парения над каньонами облаков. Проснись, черт бы тебя побрал!

Картинка растаяла, и перед Хамидом предстал человек - Ларри Фудзияма! И Лентяй Ларри совсем не удивился.

- Ты не ошибся номером, мальчик. Я тут с нашим Улиткиным. События развиваются.

Хамид раскрыл рот, пытаясь что-то ответить, а Ларри продолжал:

- Примерно в полночь к Улиткину заявились «Равна и Тайнз». Угрозы и обещания, в основном угрозы, когда это создание, Тайнз, занял коммуникатор… Мне очень жаль, что так вышло с твоим отцом, Хамид. Нам надо было предусмотреть…

- Что?!

- А ты не из-за этого звонишь? Это было в новостях. Вот тут…

Изображение сменилось фрагментом новостей, снятым с вертолета над полями Восточного Мичигана. Хамид в ту же секунду узнал холмы. Это было возле участка Томпсона, две тысячи километров от Маркетта. Время было после восхода. Камера показала знакомый ручей, ведущий тарахтел насчет того, как «Онлайн ньюз» оказалась на месте раньше всех спасательных групп. Вертолет плыл над гребнями холмов… но

где же деревья? Внизу тысячами черных линий лежали стволы сваленных деревьев, указывая точно внутрь, на центр взрыва. Диктор тараторил насчет метеорита, и как удачно, что эпицентр оказался в озерной долине и пострадала только одна ферма. У Хамида пересохло во рту. Эта ферма… ферма Хусейна Томпсона. Там он поселился, когда мама от него ушла. Сам эпицентр был застлан поднимающимся паром - все, что осталось от озера. Репортер заверил зрителей, что кратер поглотил все строения фермы. Клип кончился.

- Это не была атомная бомба Средней Америки, но и естественным этот катаклизм тоже не назовешь, - сказал Ларри. - Там два часа назад сел лихтер «Равны и Тайнза». Перед самым взрывом Хас мне позвонил и страшно испуганным голосом говорил насчет прибытия «тайнзов». Я тебе сейчас покажу, если…

- Нет! - прохрипел Хамид пересохшим горлом. - Нет, - повторил он уже спокойнее.

Как ненавидел он Хусейна Томпсона; как любил он своего отца всего несколько лет назад. И вот его нет, и Хамиду уже никогда не разобраться в этих чувствах.

- Тайнз только что мне звонил. Он убил моего… убил Хусейна. - Хамид воспроизвел разговор.

- Мне в любом случае надо поговорить с моллюском. Он может меня защитить? Действительно Средней Америке грозит опасность, если я откажу этому Тайнзу?

Впервые в жизни Ларри не сделал своего знаменитого пожатия плечами - «ты сам догадался».

- Тут бардак, - сказал он. - А наша Улитка рожки прячет. Где-то он тут поблизости, погоди секунду.

И снова мирная облачная заставка, черт бы ее побрал!

Что-то ласково ткнулось ему в поясницу. Болтунья. Сбоку высунулась длинная черно-белая шея, темные глаза посмотрели в лицо Хамида.

- Что случилось? - спокойно спросила Болтунья. Хамид не знал, то ли плакать, то ли смеяться. Она выглядела подавленно, но хотя бы узнавала его.

- Ты как, детка? - спросил он. Болтунья свернулась вокруг него, положив голову ему на колено.

Облака на экране раздвинулись, и появились Фудзияма с моллюском. Конечно, они были не в одной комнате: это убило бы обоих. Баржа с Лотлримара была гигантским герметическим кораблем, и давление внутри отвечало потребностям моллюска, как и атмосфера - аммиак с водородом при тысяче бар. Для посетителей-лю-

дей там был террариум. Сейчас моллюск был показан на переднем плане. Часть стены за ним была прозрачной - окно в этот террариум. Ларри помахал рукой, и Хамид невольно улыбнулся. Кто в этом зоопарке экспонат, сомневаться не приходилось.

- Здравствуйте, мистер Томпсон, я рад вашему звонку. У нас очень серьезная проблема. - Моллюск говорил по-английски безупречно, и хотя голос был искусственным, звучал он как у натурального среднеамериканца. - И очень многое бы упростилось, если бы вы нашли возможным отдать...

- Нет, - произнес Хамид без интонации. - П-пока я жив, во всяком случае. Это не сделка. Вы слышали угрозы и видели, что они сделали с моим отцом. - Последние полгода моллюск был его верховным работодателем, с которым редко приходится говорить, которого почитаешь на расстоянии. Все это теперь не имело значения. - Вы всегда говорили, что первой обязанностью директора Тура является следить, чтобы ни одна сторона не причиняла вреда другой. Я призываю вас это претворить в жизнь.

- Гм! Технически говоря, я имел в виду жителей Средней Америки и Туристов моего Каравана.

Здесь я знаю, что у меня есть возможности выполнять свои обязательства… Но мы только начинаем узнавать О том, что такое «Равна и Тайнз». И я не уверен, что разумно им противостоять. - Он сдвинул свою тысячекилограммовую тушу к окну террариума. Хамид знал, что в гравитации Лотлримара моллюск сплющивается в лепешку с лентой манипуляторов по краю, касающейся земли. При одном g он был больше похож на шелковую подушку с красной бахромой. - Ларри мне сказал о замечательном предложении Скандра насчет устройства для Медленной Зоны. Я о таких вещах слышал, их очень трудно приобрести. Единственный экземпляр более чем окупит весь мой Караван… А если припомнить, что Скандр плакал о бедности его фонда, выпрашивая проезд сюда… Но дело не в этом, а в том, что Ларри воспользовался ансиблем, чтобы узнать, что такое на самом деле ваша Болтунья. Ларри кивнул:

- Я этим занимался с самого твоего ухода, Хамид. Машина осталась у меня в офисе, до сих пор гудит. Как и сказал Скандр, она настроена на порт в Лотлримаре. Оттуда я получил доступ в Известную Сеть. Хе-хе. Скандр оставил на Лотлримаре очень приличный кредит в обеспечение. Надеюсь, они с Ортегой не слишком расстроятся,

увидев счет за телефон, которым я им удружил, проверяя для них это устройство. Я дал описание Болтуньи и сделал глубокий запрос. Сейчас тысячи подсетей по всему Вовне обшаривают свои базы данных, ища что-нибудь похожее. Я... - Его энтузиазм несколько угас. - Улитка считает, что мы накопали ссылку на расу, к которой она принадлежит.

- Да, и это очень тревожные сведения, мистер Томпсон, Ничего удивительного, что никто из Туристов о Болтунье ничего не слышал. Единственный верный след, на который напал Ларри, исходил с другого конца края галактики, из угла Вовне, лишь иногда связанного с остальной Известной Сетью. Эта далекая раса прямых сведений о Болтуньях не имела, но до нее доходили слухи. Из глубины в тысячу световых лет от нее, из недр Медленной Зоны доходили легенды о расе, подходящей под описание Болтуньи. Расы высокоразумной и быстро разрабатывающей релятивистские средства передвижения, наиболее быстрые в пределах Зоны. Эти существа колонизировали огромную сферу, создали империю из десяти тысяч миров - и все без СБС. И эти «стальные когти» - очень подходящее название - держали свою империю отнюдь не силой

братской любви. Истреблялись целые расы, взрывались кинетическими релятивистскими бомбами планеты. Технология тайнзов была самой передовой и смертоносной, которую только можно было создать в пределах Зоны. Почти весь занятый ими регион был глух, как гробница, и только шепотом расходились рассказы в медленных полетах Вовне.

- Подождите секунду. Профессор Фудзияма мне говорил, что скорость ансибля - одна десятая бита в секунду. У вас было меньше двенадцати часов на поиски. Как вы могли все это узнать?

Ларри несколько смутился - впервые за все время, что Хамид его знал.

- Мы воспользовались тем протоколом искусственного интеллекта, о котором я тебе говорил. Это массивная интерпретация, исполняемая по обе стороны нашей связи с Лотлримаром.

- Да уж!

- Не забудьте, мистер Томпсон, что сжатие данных применяется только в первом звене цепи. Известная Сеть лежит Вовне, а там скорость передачи и целостность данных очень высока на всех звеньях.

Моллюск говорил очень убедительно, но Хамиду много приходилось читать об Известной Сети

- понятии почти столь же завлекательном, как и путешествие при СБС. Не существовало способа прямой связи одного мира со всеми остальными - частично из-за ограничений расстояния, но главное - из-за числа участвующих в связи планет. И точно так же одна «телефонная компания» (и даже десять тысяч их) не могла бы управлять такой сетью. Наиболее вероятно, что информация, пришедшая с другого конца галактики, прошла пять-шесть интерпретационных узлов, Посредники - не говоря уже о самой расе-источнике на том краю - вряд ли люди. Представьте себе вопрос, заданный по-английски человеку, который знает еще и испанский. Он передает его испаноговорящему, который пересылает вопрос дальше по-немецки. Только здесь все в миллион раз сильнее: по сравнению с некоторыми расами Внешников моллюск мог сойти за человека!

Хамид все это изложил и добавил:

- И если даже это и есть то, что имел в виду отправитель, все равно это может быть ложь! Посмотрите, что сделали историки с Ричардом Третьим или с Мухаммедом Розой.

Лентяй Ларри улыбнулся своей лягушачьей улыбкой, и Хамид сообразил, что они наверняка уже об этом говорили. Ларри еще добавил.

- Так-то, Улитка. В этом-то и дело: в природе идентификации. У «стальных когтей» должно быть что-то вроде рук. А у Болтуньи Хамида ты их видишь?

По бахроме моллюска прошло три волны быстрой ряби. Возбуждение? Или это он просто отмахнулся?

- Текст пока еще все поступает, но у меня есть теория. Ты знаешь, Ларри, я тщательно изучал секс. Называть меня «он» можно только из любезности, но я думаю, что секс - это потрясающе интересно. Секс - это то, «что вертит мир» для большинства рас. - Хамид сообразил, в чем была причина успеха Джилли Вайнберг. - Так что отдайте мне должное как эксперту. Я предполагаю, что у тайнзов половой диморфизм развит в крайней степени. Вероятно, у самцов вместо передних лап - руки. Не приходится сомневаться, что именно самцы являются убийцами. Самки - как Болтунья - постоянно дружелюбные, неразумные создания.

Болтунья закатила глаза, глядя на Хамида.

- А как же, - буркнула она. Это вышло более чем удачно, будто она хотела спросить: «Это что еще за шут гороховый?»

Моллюск не заметил.

- Это может объяснить ярость того самца. Вспомните разговор, который был у мистера Томпсона. Эти создания, несомненно, рассматривают своих самок как собственность. Крайний сексизм.

Хамид вздрогнул. Эти слова попали в цель. Он не мог забыть этого голода в голосе Тайнза.

- Это вы так долго объясняете, что не собираетесь нас защищать?

Моллюск замолчал почти на пятнадцать секунд. Алая бахрома все это время колыхалась вверх-вниз. Потом он произнес:

- Боюсь, что вы почти правы. Клиенты моего Каравана не слыхали нашего анализа, они слыхали только угрозы и сообщения новостей. Тем не менее они не исследователи, а Туристы. Они требуют, чтобы я отказал вам в доступе на борт. Некоторые требуют вообще покинуть вашу планету немедленно… Ларри, насколько эта линия защищена от подслушивания?

- Подземное оптоволокно и лазерная связь с шифрованием. Рискни, Улиткин.

- Ладно. Мистер Томпсон, вот что вы можете от меня ожидать. Я могу остаться над городом и, возможно, защитить вас от похищения - это если не увижу приближения разносящего планету

снаряда. Я очень сомневаюсь, что они это сделают, но в таком случае… не думаю, что даже вы сохранили бы достоинство ценой столкновения с астероидом на релятивистских скоростях.

Я не могу спуститься и вас подобрать. Это будет видно всем, и явится прямым пренебрежением пожеланиями моих клиентов. С другой стороны… - еще одна пауза, и красная бахрома заколыхалась быстрее, - если вы появитесь, гм… здесь, я возьму вас на борт баржи. Даже если это будет замечено, это будет уже fait accompli[2] [broken link: #aRan_2605287451]. Я смогу сохранить своих клиентов, а худшее, что нам тогда грозит, - это будет преждевременное и невыгодное отбытие от Средней Америки.

- Это очень щ-щедрое предложение.

До невероятности. Моллюск был честный парень - но очень хваткий торговец. Даже Хамид должен был признать, что это предложение делает моллюску честь и подвергает риску результаты двадцати одного года работы.

- Конечно, если дойдет до подобной крайности, я хочу взамен получить несколько лет вашего времени, когда мы окажемся Вовне. Я ставлю на то, что ваши глубокие знания Болтуньи смогут компенсировать нам все прочие потери.

Еще вчера Хамид начал бы бормотать насчет контракта и страховки. Сейчас же альтернативой были «Равна и Тайнз»… При свидетельстве Ларри был заключен договор на два года отработки и установлен размер платы.

Теперь им с Болтуньей оставалось только найти способ подняться на пять тысяч метров вверх. Способ был очевиден.

Машина принадлежала соседу - Дэйву Ларсону, но Дэйви был у Хамида в долгу. Хамид разбудил его, объяснил, что Болтунья заболела и надо ехать в Маркетт. Через пятнадцать минут он уже вез Болтунью по Энн-Арбору. Была суббота, только начинался рассвет, и дорога была пустой. Он почти ждал, что дорога будет кишеть полицией и военными. Если бы только «Равна и Тайнз» знали, как легко напугать Джо Ортегу… Если бы федералы знали, что происходит, они бы тут же передали Болтунью Тайнзу. Но правительство, очевидно, просто ничего не могло понять и затаилось, надеясь, что большие шишки наверху не заметят его, пока не уладят свой спор. Бомбардировка фермы уже не была главной новостью. Федералы старались не шуметь и не выпустить обезумевшую панику из высших правительственных кругов.

Болтунья ерзала на пассажирском сиденье, то наклоняясь к приборной панели, то обнюхивая мешок с сюрпризами, который прихватил с собой Хамид. Она все еще была подавлена, но поездка в частном автомобиле - это было ново. Электронное оборудование на Средней Америке было дешево, но бытовые механизмы - очень большим изыском. Без разветвленной сети автодорог машины никак не могли достигнуть того положения, которым они пользовались на Старой Земле - почти весь транспорт был рельсовым. Теперь после Каравана многое здесь изменится. Туристы привезли сто тысяч аграватационных пластин - вполне хватит для революции на транспорте. Средняя Америка войдет в век аэромобиля - и впервые превзойдет старую родину. Так Джо Ортега изрек.

За университетом лежал участок открытого пространства. За конусами света фар кое-где мелькали поля, отблески инея. Каждые несколько секунд Хамид нервно поглядывал вверх. На западе бледнели Диана и Селена. Отдельные облака скользили меж барж Туристов, неясно-серых в первых лучах утра. Никаких захватчиков не видно, но три баржи ушли, очевидно, вернулись на орбиту. К востоку от Маркетта, над районом скла-

дов, плавал в воздухе лотлримарский корабль. Похоже, моллюск выполнял свои обязательства.

Хамид въехал в центр Маркетта. Среди двухсотэтажных башен парила небесная реклама, призывающая покупать десятки разных продуктов - и некоторые из них действительно существовали. Восьмиполосные улицы заливал свет из дискотек и магазинов. Людей, конечно, не было - утро субботы. Почти все деловые кварталы выглядели именно так - реконструкция Маркетта, каким он был на Старой Земле в середине двадцать первого столетия. Тот Маркетт располагался на берегу огромного озера с названием Великое. В том столетии Великое стало местом приводнения тяжелых грузовиков из космоса, а Маркетт - одним из крупнейших портов Земли, воротами в Солнечную систему. Легенда, которую пересказывали Туристы, гласила, что тот Маркетт породил тысячи других миров.

Хамид свернул с магистрали на подземную дорогу. Сегодняшний Маркетт - это была витрина, один процент от настоящего по площади и по населению. Но с воздуха он смотрелся хорошо, освещение и суета - вполне правдоподобно. Для важных событий удавалось набить улицы миллионом человек - всеми, кого можно было

оторвать от ежедневной работы. И это была именно витрина, а не подделка - Туристы знали, что это реконструкция. Смысл в том, что эта реконструкция была аутентичной, какую могут создать лишь люди, ушедшие от источника всего на шаг, - такова была официальная точка зрения. И люди Средней Америки почти двадцать лет приносили огромные жертвы, чтобы все это подготовить к прибытию Каравана.

Прокат автомобилей находился Внизу пятнадцатиэтажной спирали, над самым терминалом железной дороги. Терминал был настоящий, хотя до ближайшего поезда было еще полчаса. Хамид вышел, ощутил запах прохладной духоты каменной пещеры. Единственным звуком был шум его шагов. Между ним и небом лежали миллионы тонн керамики и камня. Через такую толщу даже Внешник ничего не увидит… по крайней мере Хамиду хотелось так думать. Сонный служитель смотрел, как Хамид заполняет формы. А Хамид глядел на дисплей, потея даже в прохладе. «А не заметит ли этот тип?» - подумал он и сам чуть не засмеялся. Падение в пучину преступления было самой меньшей из всех его забот. Если «Равна и Тайнз» подключатся к кредитной сети, то они в некотором смысле действительно увидят, что

здесь происходит - а защищает его от этого только липовый номер, полученный от Ларри.

Хамид с Болтуньей отбыли в «Миллениум коммандере» - машина такого типа, в которой вполне мог бы щеголять богатый Турист. Хамид подземной дорогой поехал на север, потом на восток» а когда вновь увидел открытое небо, уже направлялся на юг. Впереди был район складов… а над ним висела баржа моллюска, зеленея куполами и полушариями на фоне разгорающегося неба. Здоровенная. Казалось, что она близко, но Хамид знал, что еще надо подняться на пять тысяч метров.

Может быть, вертолет мог бы сесть на нее сверху или приземлиться на веранду - хотя это была бы ювелирная работа при тесноте ее надстроек. Но Хамид не умел водить вертолет и не знал, как можно арендовать его в такое время суток. Нет, придется им с Болтуньей действовать проще, как он делал уже каждые Две недели после прибытия Туристов.

Машина подъезжала к проходной, где федералы и Туристы производили ежедневные расчеты. Впереди на крышах будут камеры наблюдения. Хамид затемнил все стекла, кроме бокового со своей стороны, и свободной рукой надавил на

плечи Болтуньи.

- Поиграй в прятки пару минут.

- Ладно.

Еще через триста метров - внешние ворота. Перед ними три обычных полицейских, четвертый в бронированной будке сбоку Если Ортега учуял, что припекает, вся авантюра может кончиться прямо здесь.

И копы действительно нервничали, но в основном они нервно поглядывали на небо. Они знали, что где-то что-то происходит, но думали, что не имеют к этому отношения. Бросив быстрый взгляд на «Миллениум коммандер», коп махнул рукой - проезжай. Внутренние ворота миновали почти так же просто, хотя пришлось показать удостоверение гида. Если «Равна и Тайнз» читают сеть, то время Хамида и Болтуньи уже сочтено.

Хамид поставил машину на пустой стоянке у главного склада, правильно выбрав место относительно поста охраны.

- Чуть-чуть еще помолчи, Болтунья, - попросил он, выпрыгнул и пошел через двор. Может, надо бежать быстро, будто в паническом страхе? Но нет, охранник его уже увидел. Ладно, будем играть спокойно. Он помахал рукой и пошел дальше. Охранное освещение уже тускнело в

сиянии утра. Среди облаков и барж уже не было видно звезд.

То, что именно сюда послали купцов Извне, было своего рода шуткой. Склад был большой, метров по двести длины и ширины, но старый - пластиковые листы и потемневшие деревянные бревна.

Бронированная дверь загудела раньше, чем Хамид до нее дотронулся. Он протиснулся внутрь.

- Привет, Фил!

Повезло! Остальные, наверное, на обходе.

Фил Лукас был добродушный тип и не очень хорошо знал Болтунью. Он сидел в будке охранника, и бронированная секция, отделяющая его от посетителей, была поднята. Слева была вторая дверь, ведущая уже прямо в склад.

- Привет, Хэм! - Охранник встревоженно глянул на Хамида. - Чертовски рано ты сегодня.

- Ага, там у нас затруднение. В том «комманде-ре» сидит Турист, пьяный до потери пульса. Мне его надо по-тихому переправить Наверх.

Фил нервно облизал губы.

- Господи, вот уж не вовремя! Ты меня прости, Хэм, но у нас приказ с самого верха Федеральной службы безопасности: вниз никого и Наверх никого. Там у Внешников какая-то заварушка, и

если они начнут стрелять, так пусть друг в друга, а не в нас.

- В том-то и дело, Мы думаем, что этот друг в машине тому причиной. Если мы его доставим обратно, они должны утихомириться. У тебя он наверняка есть в записях, это Антрис Ван Реемпт.

- Ах этот!

Ван Реемпт был самым невыносимым из всех Туристов. Будь он обычный среднеамериканец, за последние полгода он бы заработал себе лет сто тюрьмы. К счастью, он никого не убил, и потому его выходки просто игнорировались. Лукас пощелкал кнопками компьютера.

- Нет, ничего о нем нет.

- Вот идиоты! Это же затык: пока мы его не закинем Наверх, ситуация не уляжется. - Хамид замолчал, будто серьезно что-то обдумывая. - Слушай, я пойду к машине, посмотрю, может быть, кто-нибудь это подтвердит.

- Ладно, - с сомнением произнес Лукас. - Только пусть это будет кто-нибудь с самого верха, Хэм.

- Понял.

Дверь загудела, открываясь, и Хамид побежал обратно к стоянке. Кажется, все пущено в ход. Слава Богу, что у него всегда были хорошие от-

ношения с копами охраны. Охранники считали гидов снобами из колледжа - и не без оснований. Но Хамид не раз пил кофе с этими ребятами. И он знал систему… и знал телефон, по которому отдавались указания охране.

На полпути к машине Хамид заметил, что уже не дрожит. Интриги, вранье экспромтом - все это казалось нормальным. Умение, которого он у себя не предполагал. Может быть, так действует на человека отчаянная ситуация… но что-то в этом было увлекательное.

Он открыл дверь машины.

- Нет, пока посиди. - Хамид отпихнул рвущуюся наружу Болтунью на пассажирское сиденье, - Болтунья, большая игра! - Он пошарил в мешке и взял два коммуникатора. Один был обычный - наушники и ларингофон, другой переделан для Болтуньи. Хамид закрепил микрофон под воротником ветровки. Наушники не нужны, но они маленькие, и Хамид надел их, приглушив громкость. Другой коммуникатор он закрепил на шее Болтуньи, микрофон ее коммуникатора отключил и сунул ей в ухо наушник.

- Игра вот какая: имитация. Имитация. - Он погладил коммуникатор у нее на плече.

Болтунья радостно запрыгала по салону «ком-

мандера».

- А как же! А как же! Кто? Кто?

- Джо Ортега. Попробуй: «В эти трудные времена мы должны сплотиться в труде!»

Тут же раздались те же слова, но повторенные голосом Президента Средней Америки. Хамид опустил стекло водителя: при зрительном контакте это получается лучше. А кроме того, может быть, надо будет выпустить Болтунью из машины.

- Молодец. Посиди здесь, а я найду, кого нам разыграть.

Она тем же напыщенным тоном повторила его слова.

Еще одно. Он набрал номер на телефоне машины, поставил таймер и отключил видео. Потом Хамид вышел и побежал снова к будке охранника. В колледже такой фокус работал нормально, дай Бог, чтобы он сработал и сейчас. Чтобы Болтунья не начала нести, что в голову Придет.

Когда Лукас впустил его в тамбур для посетителей, Хамид включил микрофон.

- Добрался я до верха. Сейчас по красной линии позвонит кто-нибудь, кажется, сам начальник Службы безопасности.

Брови Фила приподнялись.

- Это подойдет. - Престиж Хамида сделал гигантский шаг вверх.

Хамид забегал по тамбуру, изображая нетерпение, потом остановился у наружной двери спиной к охраннику. Нетерпение стало подлинным. Тут зазвонил телефон, и Лукас снял трубку.

- Проходная один, у телефона агент Лукас, сэр!

Оттуда, где стоял Хамид, была видна Болтунья. Она сидела на месте водителя, с любопытством глядя на телефон. Хамид включил ларингофон и произнес тихо:

- Лукас, с вами говорит Джозеф Стэнли Ортега.

Почти одновременным эхом из телефона за спиной раздалось: «Лукас, с вами говорит Джозеф Стэнли Ортега». В слова была вложена вся важность, которой только мог пожелать Хамид, и еще кое-что: вкрадчивость, которой не было в публичных выступлениях. Наверное, это было из-за приглушенного голоса Хамида, но звучало очень неплохо. Как бы там ни было, а Лукас был поражен.

- Слушаю, сэр!

- Агент Лукас, у нас тут затруднение. - Хамид сосредоточился на произносимых словах, стараясь не слышать эхо голоса Ортеги. Для него это была самая трудная часть фокуса, особенно если

надо было сказать более одной короткой фразы. - Может быть ядерный пожар, если Туристы не остынут. Я вместе с Национальным Командованием нахожусь в подземном командном пункте, настолько это все серьезно.

Может быть, это объяснит, почему нет видео.

- Понял, сэр. - Голос Фила дрогнул - он-то не сидел в подземном командном пункте.

- Вы проверили… - щелчок, - подлинность моего вызова?

Щелкнуло в наушниках Хамида, из аппарата охранника он щелчка не услышал. Слабый контакт в наушниках?

- Да, сэр. Я… одну секунду… - Звук быстрых пальцев по клавиатуре. С соответствием записей голоса проблем быть не должно, а Хамиду нужно было додавить охранника. - Да, сэр, это вы. То есть…

- Отлично. Теперь слушайте внимательно: у этого гида, Томпсона, с собой Турист. Этого Внешника надо поднять наверх - быстро и тихо: Подготовьте для этих двоих лифт, и чтобы никто их не видел. Если у Томпсона не получится, погибнуть могут миллионы. Дайте ему все, что он потребует.

Болтунья в машине веселилась от всей ду-

ши. Когти передних лап неуклюже вцепились в рулевое колесо, и она вертела его туда-сюда, «руля» и «разговаривая» одновременно - апофеоз жизни: быть принятой за человека настоящими людьми!

- Есть, сэр!

- Отлично. Тогда… - щелчок, - мы должны…

И с последним щелчком голос Ортеги исчез. Черт бы побрал эти дешевые приборы!

Лукас секунду помолчал, почтительно ожидая окончания слов президента. Потом переспросил:

- Да, сэр? Что я должен делать?

Болтунья в машине оцепенела статуей. Потом повернулась к Хамиду, широко раскрыв глаза. «Что мне теперь сказать?» Хамид повторил свою реплику насколько мог громко. Голоса Ортеги не было. Она ни черта не слышит, что я говорю! Он отключил микрофон.

- Сэр, вы меня слышите?

- Наверное, прервалось, - сказал небрежно Хамид и исподтишка махнул рукой Болтунье, чтобы шла к нему.

- Лампочка горит, связь есть, Хэм. Мистер президент, вы меня слышите? Вы говорили, что мы должны делать. Мистер президент?

Болтунья не заметила его жеста - слишком он

был скрытным. Он еще раз попробовал. Болтунья поднесла коготь к морде. Болтунья, только не надо отсебятины!

- Э-э, гм, - донесся голос Ортеги. - Не торопите меня. Я думаю. Ду-ма-ю! Мы все должны сплотиться, или погибнут миллионы. Как вы думаете? Я полагаю, это имеет смысл…

Смысла-то как раз и не было, хотя Лукас и пыхтел вслух, пытаясь его найти, и его голос становился все более недоуменным и даже подозрительным.

И ничего нельзя сделать. Хамид стукнул кулаком по прозрачной броне и замахал Болтунье изо всех сил. Давай сюда!

Голос Ортеги смолк на полуслове. Хамйд повернулся и увидел, что Лукас смотрит на него с подозрением и напряженно.

Что-то такое здесь делается, что мне не нравится…

Лукас уже начинал догадываться, что его провели, но пока еще его не отпускала инерция ежедневной рутины. Он наклонился над барьером, пытаясь разглядеть, что там видно на стоянке Хамиду.

Первоначальный план рассыпался полностью, но почему-то паники не было, еще не все было

потеряно. Улыбнувшись, Хамид подскочил к барьеру и перегнулся, прижав невысокого охранника в угол между барьером и стеной. Рука Фила лихорадочно нашаривала кнопку, опускающую щит. Хамид сильнее прижал его к стене… и выхватил у него из кобуры пистолет. Ткнул стволом ему в живот.

- Спокойно, Фил.

- Сволочь ты!

Но Фил перестал отбиваться. Слышно было, как Болтунья скребется во внешнюю дверь.

- О'кей, открой наружную.

Дверь загудела. Через секунду Болтунья уже прыгала по тамбуру, ластясь к ногам Хамида.

- Хе-хе-хё! Это было классно! Потрясающе классно! Смешок был Ларри, голос - Ортеги.

- Теперь внутреннюю. - Фил твердо замотал головой. Хамид сильнее вдавил ствол ему в живот. - Быстро!

Фил на миг застыл, потом толкнул коленом ручку, и внутренняя дверь загудела. Хамид распахнул ее ногой и отбросил Лукаса от барьера. Охранник покачнулся, выпрямился, не отрывая глаз от дула. Он был очень бледен. Мертвец тревоги не поднимет - эта мысль явственно читалась на его лице.

Хамид замялся в нерешительности, ошеломленный своим успехом не меньше Лукаса.

- Не бойся, Фил.

Он отвел оружие и дал очередь поверх плеча Лукаса… в процессор безопасности склада. Полыхнуло огнем, полетели осколки - а сирены тревоги заревели повсюду.

Хамид протолкнулся в дверь, Болтунья вплотную за ним. Щит клацнул, опускаясь за ними; вероятнее всего, его заклинит теперь, когда процессор выведен из строя. Никого не было видно, но слышались крики. Хамид побежал вдоль пролета с товарами, предназначенными к отправке Наверх. Агравитационный лифт был в конце здания, под главным потолочным люком. Пока что все никак не по плану, но если лифт на месте, то еще есть возможность…

- Вот он!

Хамид нырнул в сторону, завилял между стендами… и пошел очень спокойно. Он находился в секции импортных товаров, окруженный предметами, привезенными именно этим Караваном. Предметы, которые поднимут Среднюю Америку выше уровня двадцать первого столетия Старой Земли.. На десять метров над головой возвышались термоядерные генераторы, работающие при

комнатной температуре. С ними - и со средствами их изготовления - Средняя Америка сможет забыть метаноловую экономику и построить ядерные электростанции. Еще два пролета - полуфабрикаты аграватационных устройств. Они были больше похожи на склад тканей, чем на что-то высокотехнологичное. Но лифт склада был построен на такой штуке, и с этими тканями Средняя Америка будет строить аэрокары так же легко, как сейчас строит автомобили.

Хамид знал, что над светильниками в потолке стоят камеры. Даст Бог, они отключились вместе с процессором безопасности. Шаги в следующем пролете. Хамид нырнул в темноту между стеллажами. Тихо, тихо. Но у Болтуньи не было настроения вести себя тихо. Она бегала впереди но пролету, и эхом отдавались до боли громкие имитации пистолетного выстрела. Сейчас ее заметят. Хамид отбежал в другую сторону и выстрелил в воздух,

- Господи, сколько же народу впустил этот идиот Лукас? Другой голос ответил:

- Это все та же дамская пукалка.- И намного тише: - Сейчас мы этим ребятам покажем, что такое огневая мощь.

Хамид внезапно догадался; что здесь их всего

двое. А если будка охраны заклинена, то они могут быть здесь заперты, пока тревога не привлечет наружную охрану.

Он стал пятиться от голосов к задней стене склада.

- Бу!

Болтунья, вспрыгнув на контейнер у него над головой, общалась с кем-то на земле. Разрывные пули впились в электрогенераторы над ней. Эхо раскатилось по складу. Что бы это ни было, по сравнению с его пистолетом оно звучало как пушка. Разумеется, такое оружие было запрещено к применению в помещении, но Хамиду от этого было мало толку. Он бросился вперед через обломки.

- Вниз давай! - крикнул он Болтунье. Перед ним материализовался пучок света и тени и помчался по пролету.

Снова рев пушки, и место, где только что был Хамид, взорвалось. Но происходило и еще что-то. Откуда-то с полки с ядерными генераторами засиял голубой свет, отбрасывая резкие тени на стены. Как будто перед Хамидом кто-то отворил дверь мартеновской печи. Он обернулся. Синева разливалась светом электрической дуги, обещающей ожог, пока не ощутимый. Он быстро

отвернулся, под веками танцевали тени и образы полок, оплывающих от жара.

Ливнем сработали разбрызгиватели. Но это был огонь, который вода не гасила - скорее разжигала. Она взорвалась паром, бросив Хамида на колени. Он вскочил, побежал, падая и снова вскакивая. Агравитационный лифт должен быть за следующим рядом полок. Где-то на заднем плане Хамид начинал осознавать, что произошло. Разрывные пули запустили цепную реакцию в генераторах. Считалось, что они безопаснее метаноловых двигателей - но они могли расплавиться. Такого рода авария на атомной станции Средней Америки вызвала бы радиационное заражение целого континента. Туристы же утверждали, что их машины плавятся чисто - выпуская низкоэнергетические протоны и мощный поток частиц, на которые обычная материя почти не реагирует. Хамид подавил истерическое желание захохотать. Астрономы Медленной Зоны в световых годах отсюда отметят поток нейтрино и начнут переделывать свою пошатнувшуюся космологию.

В ливне засверкали молнии, вспышки между полками и через пролет - в агравитационные полуфабрикаты. Похожий на ткань материал корчился и коробился, отдельные штуки взлета-

ли вверх. Ковер-самолет, запущенный джинном.

Хамид оказался между хлопнувших ладоней великана - так силен был акустический удар. Дождь прекратился, сменившись горячим влажным ветром вокруг и поверху. Сквозь туман пара пробился утренний свет - взрывом снесло кры-г шу. Над развалинами изогнулась радуга. Хамид теперь полз. Липкая влага текла по лицу, капая на пол красным. Стеллажи с ядерными генераторами свалились. В пятнадцати метрах впереди расплавленный пластик кипел на ползущем металле.

Теперь уже был виден агравитационный лифт - то, что от него осталось. Он оплыл, как старая свеча в потоке расплавленного металла. Так, вверх пути нет. Хамид заставил себя отвернуться и привалился к штабелю агравитационной ткани. Ее листы поползли и задрожали. Она была мягкой, но преграждала путь жару и частично - шуму. Розоватая голубизна рассветного неба виднелась сквозь последние клочья тумана. Наверху висела лотлримарская баржа, четыре сферических корабля высокого давления, встроенные в причудливые Соединения и украшения.

Господи ты боже мой! Почти вся крыша склада просто исчезла. В дальней стене огромная

брешь. Ага! Двое охранников. Отвернулись, один опирается на другого. Меньше всего они сейчас думают о преследовании - пробираются через завалы, чтобы выбраться из склада. К несчастью, у них на пути серебристая струйка металла. Один неверный шаг - и нога уйдет в него по щиколотку. Но им повезло, и через пятнадцать секунд они скрылись из виду.

Конечно, он тоже мог бы пойти этим путем… Но не за этим он сюда пришел. Хамид с трудом поднялся на ноги и стал кричать, призывая Болтунью. Шипение и бульканье звучали громко, но не так, как раньше. Если она в сознании, она его услышит. Он стер кровь с губ и захромал вдоль штабелей агравитационной ткани. Только не умирай, Болтунья. Только не умирай.

Движение было всюду. Штабеля аграв оживали. Верхние слои просто взлетали вверх, кувыркаясь, разворачиваясь и сворачиваясь. Нижние слои корчились и дергались. Обычная материя, быть может, и не заметила бы поток неуловимых частиц из расплавленных реакторов, но аграв - это материя не обычная. Зажатые внизу куски светились ореолом, но это не было жгущее глаза свечение ядерных реакторов. Оно было плавным, не взрыв, а скорее пробуждение.

Хамида захватило зрелище их парения. Они просто всплывали, серые и желто-коричневые полотна в утреннем свете. Он попятился. Высоко наверху самые первые уже казались точками на синем фоне. Может быть…

Что-то стукнулось ему в ноги, чуть не сбив на пол.

- Ух ты! Громко!

Болтунья нашла его!, Хамид упал на колени и обнял ее за шею» Так, выглядит она отлично, куда лучше, чем он боялся. Он пробежался руками по ее плечам. Кое-где царапины, пятнышки крови. И она была угнетена, от прежнего радостного возбуждения следа не осталось.

- Громко, громко! - твердила она. - Знаю, Болтунья, Зато худшее позади.

Он снова посмотрел в небо. На взлетающих аграваx… и к лотлримарской барже. Даже пытаться - безумие… но снаружи уже завывали сирены.

Он потрепал Болтунью по холке, потом встал и залез на ближайший штабель аграваов. Материал - сотни отдельных лоскутов, сложенных как стопка одеял, - поддавался под ногами как пенорезина. После каждого шага нога соскальзывала в сторону. Схватив лоскуты над головой за края, Хамид подтянулся кверху. Он хотел испробовать те,

которым ничего не мешало подняться - верхний слой, уже трепещущий на неощутимом ветру. Вытащив карманный нож, Хамид полоснул материю. Она легко распалась, сопротивление было не больше, чем у плотного войлока. Хамид отрезал полоску, сунул ее в карман и снова взялся за верхний слой. Лоскут полоскался в руках - квадрат четыре на четыре, рвущийся в небо. Хамида понемногу тащило назад. Ноги отрывались от штабеля. Этот квадрат поднимался так же быстро, как и не нагруженные!

- Подожди меня! Подожди! Болтунья отчаянно прыгала вокруг ног. Два метра вверх, три метра. Хамид ахнул и выпустил лоскут, хлопнулся на бетон и застыл, представляя себе, что было бы, если бы он замешкался еще хоть на миг... Так, спокойно. Он вытащил полоску аграва из кармана, посмотрел, как она рвется из пальцев. В красновато-серой ткани был узор, повторяющийся все мельче и мельче. Туристы говорили, что эта штука другого класса, чем ядерные генераторы. Для тех требовалась высокая технология, но их вполне можно было строить в Медленной Зоне. А вот агравы... Теоретически эффект можно было объяснить, но практическое использование требовало рестабилизации на атомных уровнях

мгновение за мгновением. Туристы утверждали, что в этой ткани миллиарды процессоров размером с молекулу белка. Это был настоящий импорт - и не просто Извне, а из Трансгума. До этой минуты Хамид подобные утверждения воспринимал скептически. Полет - вещь весьма прозаическая. Но… эти штуки - это не была простая логика. Скорее это было что-то вроде живых созданий или сложной системы управления. Очень они были похожи на «разумную материю», которая, если верить Ларри, для транслюдской технологии вещь обычная.

Он разрезал полосу на два куска разного размера. Края разрезов были гладкими, не то что у ткани или кожи. Потом Хамид отпустил куски. Они медленно поплыли вверх, как листья на ветру, но через несколько секунд большой ушел вперед, уходя все выше и оставляя меньший позади.

Я смогу спуститься, обрезая ткань!

Вспомнилось, как ковер пошел в сторону, в направлении его хватки.

Сирены приближались. Хамид поглядел на штабель агравов. Забавно, еще неделю назад он боялся лететь самолетом в Уэстленд.

- Хотела поиграть, Болтунья? Вот тебе самая

большая игра.

Он снова залез на штабель. Верхний слой начинал подергиваться. Значит, еще секунд тридцать, если он такой же, как остальные. Хамид завернулся в ткань, завязав ее у себя под мышками.

- Эй, Болтунья, дуй сюда!

Она пришла, но без обычной радости. То ли утро было тяжелое, то ли она была умнее Хамида. Он схватил Болтунью под задние лапы и притянул к своей груди - как делал папа, когда Болтунья была щенком. Только она сейчас была уже большая, и передние лапы далеко перевалились за плечи Хамида.

Ткань под мышками натянулась. Он уже стоял. Вот ноги поднялись от поверхности штабеля. Он уже смотрел вниз на расплавленные полки, на реки серебристого металла на полу склада. Болтунья изобразила плач маленького ребенка.

Они проплыли сквозь крышу. Утренний холод резанул льдом по мокрой от пота одежде, и Хамид задрожал. Солнце поднималось из-за горизонта, но его свет от холода не спасал. От зданий падали длинные резкие тени. Прямо под ногами лежала вывернутая внутренность склада; отсюда она казалась темной, но молнии все еще там прыгали, Из развалин взлетали красновато-серые лоскуты,

все больше и больше. На площадке перед складом стояли пожарные машины и бронированные автомобили, из караулки и обратно бегали вооруженные люди. Взвод выдвигался из-за стены здания. Двое возле броневика стали показывать на Хамида, а остальные остановились посмотреть. Мальчишка и его не-собака, болтающиеся под парашютом, падающим не в ту сторону. Хамид достаточно знал федералов, чтобы понимать: они его могут запросто подстрелить, причем разными способами. Один полез внутрь броневика. Если они хоть вполовину так любят стрелять, как те ребята на складе…

Прошло полминуты. Вся сцена внизу теперь помещалась между ботинками. Болтунья больше не плакала, и Хамид решил, что холод ей не страшен. Она вытянула голову и шею через его плечо, и Хамид чувствовал, как она оглядывается по сторонам.

- Ух ты! - тихо сказала она. - Ух ты!

Баю-бай, детка.

Они покачивались под агравом туда-сюда, туда-сюда. И размахи становились все шире! Потом все завертелось до кружения в голове, и земля с небом поменялись местами. Хамид оказался закопан в ткань аграва головой вперед и стал

барахтаться, чтобы ее вытащить. Теперь они не были под аграваом, они лежали на нем. Это идиотизм. Как он может быть устойчив, когда они наверху? Он же через секунду их вывалит снова вниз. Хамид покрепче вцепился в Болтунью, но... качания прекратились. Как будто положение с висящим вниз грузом было неустойчивым. Еще одно доказательство, что аграв - разумная материя. Его процессоры Используют свое естество для получения результатов, кажущихся противоестественными.

Эта чертова штука действительно была ковром-самолетом! Конечно, со всеми этими узлами четырехметровый квадрат был перекручен и скомкан. Скорее он был похож на Болтуньину кучу одеял, чем на ковер из сказки.

Района складов под ковром уже не было видно. Вокруг и над головой летели аграваы - и поблизости, и далекими точками в небе. На западе возвышались башни Маркетта - Хамид с Болтуньей были наравне с их верхушками - коричневые и желтовато-белые стены, широкие зеркала окон, отражающие утренний ландшафт. На юге тоненькой сеткой улиц лежал Энн-Арбор, почти скрытый щеточкой безлистных деревьев. Ясно различимо было административное здание,

внутренние дорожки, красная точка Морал-Холла. Он часто это видел, возвращаясь на вертолете с фермы, но сейчас… сейчас вокруг не было ничего. Только он и Болтунья - а вокруг бесконечный воздух. У Хамида перехватило дыхание, и он постарался какое-то время не смотреть вниз.

Подъем продолжался. Ветер дул прямо сверху и становился сильнее. Хамид задрожал, зубы непроизвольно застучали. Насколько они поднялись? Три тысячи метров? Четыре? Тело начинало неметь, и при движениях обледеневшая куртка потрескивала. Кружилась голова, начинало тошнить - на Северной Америке выше пяти тысяч метров без кислорода подниматься нельзя. Он думал, что сможет прекратить подъем. Если он ошибся, они вылетят в космос в компании остальных аградов.

Но надо не только замедлить подъем или начать спуск. Хамид посмотрел на лотлримарскую баржу. Она была гораздо ближе - и на двести метров к востоку. Если он не сможет заставить эту штуку двигаться в сторону, понадобится активная помощь моллюска.

Об этом он уже думал - секунд этак пять - еще на земле, на складе. Если этот аграв - просто летательный аппарат легче воздуха, то надежды

нет. Без винтов или сопел воздушный шар плывет туда, куда прикажет ветер, и единственный способ управления - найти высоту, где ветер дует в нужную сторону. Но ведь, когда он схватил первый ковер, тот скользнул в ту сторону, с которой его держали…

Хамид подполз к краю. Аграв поддавался под коленями, но качался не сильнее весельной лодки. Рядом с ним Болтунья выглядывала за край, поводя головой из стороны в сторону, и только повторяла «Ух ты!». Действительно ли она понимала, что видит?

Ветер чуть сменился. Он теперь дул слегка со стороны, не прямо сверху. Да, действительно можно править! Хамид, все также стуча зубами, улыбнулся.

Ковер поднимался все быстрее. Дующий вниз ветер бил арктическим холодом. Наверное, километров пятнадцать в час. Лотлримарская баржа была над головой, чуть в стороне…

Боже ты мой, они же поднялись выше баржи! Хамид вытащил нож и отчаянно вцепился в лезвие онемевшими пальцами. Оно резко раскрылось и чуть не вывалилось из трясущейся руки. Он стал отрезать от края ковра кусочки. Ветер сверху не стихал. Отрезать побольше! Он

резко полоснул ткань. Одна большая полоса, две. Ветер ослаб… прекратился. Хамид заглянул за край ковра, подавил головокружение. Точно. Прямо над баржей, и спускается вниз.

Ближайшая из четырех сфер высокого давления была так близко, что заслоняла остальные. Виден был обитаемый сектор для людей, конференц-зал. Ковер опускался на плоский участок рядом со сферой. Невозможно было бы прицелиться лучше. Хамид подумал, что моллюск подвинул баржу точно под гостя.

Полыхнуло жаром, и в ковер ударил невидимый кулак. Хамид и Болтунья закувыркались - то под аграваом, то на нем. Мелькнула баржа, из сферы вырвалась желто-белая струя - аммиак с водородом под давлением в тысячу атмосфер. Пробоина в герметичной сфере. Копье спрессованного до чудовищного давления газа было окружено бледным пламенем - водород горел в кислороде планеты.

Баржа выпала из поля зрения, оставив грохот и горящий туман. Хамид цеплялся и за Болтунью, и за ковер, который ему удалось обернуть вокруг ее и себя. Кувыркание прекратилось; они повисли вниз головой, туго запеленатые. Хамид выглянул.

«Наверху» лежали коричнево-серые поля поздней осени. Маркетт остался слева. Хамид перегнулся, посмотрел в небо. Вот оно! Баржа в нескольких километрах. Верхний корабль изрыгал огонь и туман, но нижние, кажется, не пострадали. Между сферами замелькали темно-фиолетовые вспышки, и через секунду по небу загрохотал гром. Моллюск давал сдачи!

Хамид вывернул ком ткани, пытаясь заглянуть выше в небо. К северу: длинный светящийся синий след, копьем протянувшийся на юг… разделяется на пять отдельных извилистых путей,остывающих от оранжевого до красного. Красиво… но будто на небе нарисовали острую когтистую лапу. Кончики когтей истончались и исчезали, но то, что их рисовало, все еще рвалось вперед. Огонь атакующих оплавил надстройки на северной стороне баржи, и они съежились, как пластиковый мусор в огне. Нижний корабль высокого давления еще имел нормальный вид, но если гостевую палубу припалило так же, то Ларри уже покойник.

Ковер качнули раскаты грома. Полетели мимо предметы, слишком мелкие и слишком быстро несущиеся, чтобы разглядеть. Орудия баржи еще вспыхивали фиолетовым, но само судно подни-

малось - куда быстрее, чем приходилось видеть Хамиду.

Еще миг - и ковер снова перевернулся, головой вверх. Утро преобразилось. Повсюду, вокруг и наверху, одеялом легли странные облака, горящие, светящиеся, изрезанные сеткой прожилок оксида азота. Вонь аммиака жгла глаза и рот. Болтунья издавала звуки ртом - настоящий кашель и хрип.

Туристов не было. Лотлримарская баржа виднелась точкой высоко в небе. Все прочие аграбы уже пролетели, и Хамид с Болтуньей остались в горящих облаках одни. Ненадолго, наверное. Хамид стал отпиливать ткань аграба - отрезать кусок, пробовать восходящий ветер, отрезать еще один. Ковер спустился сквозь облачную гряду в легкую морось, странный дождь, обжигавший кожу. Хамид увел ковер в сторону, на солнце, и здесь снова стало можно дышать. Все выглядело почти обычно, только облака отбрасывали на поля большую кровавую тень.

Где лучше сесть? Хамид выглянул за край ковра и увидел ожидающего врага. Это был цилиндр с коническим носом, с парой плавников ближе к хвосту. Он плыл в тени ковра, и Хамид понял, что враг близко. Цилиндр был не больше десяти

метров в длину, не больше двух метров в поперечнике в самом широком месте. Он молча висел, сопровождая медленный спуск ковра. Поглядев вверх, Хамид увидел и другие - четыре темных силуэта. Они ходили кругами, будто акулы вокруг возможного завтрака. Один проплыл прямо над головой, медленно и близко, так что хоть ладонью погладить. Ни портов, ни щелей в темной отделке. Но плавники - они светились изнутри красным, и от них полыхало жаром.

Безмолвный парад продолжался около минуты, каждый из убийц получил возможность рассмотреть добычу. Болтунья вертела головой, сопровождая корабли. Глаза у нее расширились, и она снова стала издавать пугающий свист, как прошедшей ночью. Воздух был недвижен, если не считать легкого ветерка навстречу спускающемуся ковру. Или не ветерка? Этот звук нарастал, шипение вроде того, что издавал Тайнз при разговоре по телефону. Только сейчас оно шло от акульих кораблей, и в нем были обертоны на грани восприятия, такие, которых никогда в обычном телефоне не услышишь.

- Болтунья!

Хамид потянулся ее погладить. Она полоснула его зубами по руке, глубоко. Он ахнул от боли,

откатился от нее прочь. Болтунья раздула шерсть - такого он никогда не видел. Она стала вдвое больше обычного - огромный хищник, и в глазах сверкает смерть. Длинная шея дергалась, глаза старались видеть всех акул сразу. Передние и задние когти прорезали в ковре длинные борозды. Она вскочила на самую толстую складку ковра, завизжала на корабли-торпеды… и свалилась в обморок.

Хамид не мог пошевелиться. Прокушенная рука, этот вопль: бритвой через ладонь, воткнутые в уши ледяные ножи. Потом он с трудом поднялся на колени и пополз к Болтунье.

- Болтунья?

Ни ответа, ни движения. Он тронул ее за бок. Обмякла, как свежий труп.

За свои двадцать лет Хамид Томпсон не имел близких друзей, но никогда не был одинок. До сих пор. Он отвернулся от тела Болтуньи к ходящим кругами силуэтам.

Один на четырех тысячах метров. И у него не было особого выбора, когда одна из рыб-торпед подошла к нему, и в брюхе у нее открылось что-то широкое и темное. Темнота сомкнулась вокруг Хамида, поглотив все.

Он никогда не бывал в космосе. При других

обстоятельствах Хамид упивался бы представившейся возможностью. Средняя Америка с низкой орбиты казалась дивным сном, но сейчас сквозь пол своей клетки он видел только голубоватую точку, почти исчезающую в яростном сиянии солнца. Он оттолкнулся от прозрачной мягкости и перекатился на спину. Это было труднее, чем отжаться одной рукой. Наверное, корабль-матка идет при четырех или пяти g… и уже несколько часов так.

Когда Хамида вытащили из корабля-торпеды, он был почти без сознания. Какое ускорение развивала эта акула, он понятия не имел, но точно больше, чем он мог выдержать. Хамид помнил, как мелькнула Средняя Америка, синяя, безмятежная; А потом», потом они забрали Болтунью - или ее тело. Кто они? Среди них был человек, эта самая Равна. Она что-то сделала ему с рукой, и кровь больше не идет. Да… и еще вокруг ходила Болтунья. Нет, другой узор на шерсти. Значит, это был Тайнз, Был еще шипящий голос, он с Равной о чем-то спорил.

Хамид уставился на стены и потолок, озаренные солнцем. Его собственная тень была распята на потолке - в первые полусознательные часы он даже думал, что это другой пленник. Стены были

серые и без швов, но с царапинами и подтеками, будто здесь использовали какую-то тяжелую аппаратуру. На потолке, кажется, была дверь, но Хамид не помнил точно. Сейчас от нее и следа не было. Комната была абсолютно кубической, без выступов и впадин, сквозь пол были видны звезды - явно не обычная корабельная гауптвахта. Ничего, похожего на туалет, не было - да и не очень это помогло бы при пяти *g*. В спертом воздухе стояла стойкая вонь собственного тела Хамида… Наверное, это воздушный шлюз. Прозрачная стена - это скорее всего поле какого-нибудь генератора. Щелчок выключателя - и Хамида навеки выбросит в космос,

Болтунья погибла, отец погиб, Ларри и моллюск тоже, наверное, погибли… Приподняв на несколько сантиметров здоровую руку, Хамид сжал ее в кулак. Лежа здесь, он впервые подумал о том, чтобы кого-то убить. И думал уже долго. Эта мысль помогала сдерживать страх.

- Мистер Томпсон! - прозвучал голос Равны. Хамид подавил невольное желание дернуться: после нескольких часов гнева послышался голос врага. - Мистер Томпсон, через пятнадцать секунд мы перейдем в режим свободного падения. Не волнуйтесь.

С чего вдруг такая стюардессная вежливость?

Сила, прижимавшая его все эти часы к полу, от которой даже дыхание становилось трудной работой, медленно ослабела. Из-за стен и потолка донеслись тихие хлопающие звуки. На жуткий миг показалось, что пол исчез и Хамид вываливается наружу. Он дернулся, рука стукнула в барьер, и Хамид медленно поплыл по комнате, к той стене, которая была потолком. Открылась дверь, и он Пролетел сквозь нее в холл, с виду вполне обычный, если не считать причудливого узора канавок и борозд, покрывавших стены.

- Уборная в тридцати метрах внизу, произнёс голос Равны. - Там находится Чистая одежда, которая должна вам подойти. Когда вы будете готовы… тогда мы и поговорим.

Это точно.

Хамид расправил плечи и потянулся на руках по коридору.

Она не была похожа на убийцу. На ее лице читалась злость - или напряжение? - человека, который давно бодрствует, ведет тяжелую битву и не рассчитывает на победу.

Хамид медленно вплыл в… - конференц-зал? капитанский мостик? - пытаясь охватить взглядом все сразу. Комната была большая, с низким

потолком. В невесомости было очень просто по ней передвигаться, медленно отлетая от пола к потолку и обратно. Стена шла вокруг и почти всюду была прозрачной. За ней были тьма и звезды.

Равна стояла в луче падающего света, а теперь шагнула назад, в полумрак. Каким-то образом она зацепилась ногой за пол и держалась. Хамиду она показала рукой на другой конец стола, и они повисли в невесомости, полупригнувшись, на расстоянии не больше двух метров. И все равно она казалась выше, чем при том телефонном разговоре. Она весит примерно столько же, сколько и он. Все остальное было так, как он помнил, хотя сейчас у нее был очень усталый вид. Она оглядела его одним взглядом и отвела глаза.

- Здравствуйте, мистер Томпсон. Этот пол фиксирует ногу, если ею слегка хлопнуть.

Хамид пренебрег советом. Он взялся за край стола и уперся ногами в пол. Нужна будет опора, если придется действовать быстро.

- Где моя Болтунья?

Голос прозвучал хрипло, в нем было больше отчаяния, чем требования.

- Ваше животное мертво.

Перед последним словом была едва заметная пауза. Врала она ничуть не лучше, чем раньше.

Хамид подавил гнев: если Болтунья жива, то есть и другие возможности, помимо мести.

- Вот как. - Его лицо осталось невозмутимым.

- Тем не менее мы намереваемся вернуть вас домой в целости и сохранности. - Она показала рукой на звездные поля вокруг. - Это ускорение в шесть *g* было необходимо, чтобы избежать ненужного боя с лотлримарцем. Мы еще немного уйдем в космос, может быть, даже на таранном двигателе. Но потом мистер Тайнз доставит вас на Среднюю Америку на боевой лодке и высадит где-нибудь, не привлекая внимания… скажем, на западном континенте, подальше от больших дорог.

Она говорила отстраненным тоном. Хамид заметил, что она ни разу не взглянула ему прямо в глаза. Сейчас она смотрела куда-то ему в щеку. Он вспомнил, как она в телефонном разговоре старалась не замечать его видеоизображения. Сейчас, вблизи, она была так же привлекательна, как и тогда, нет, больше. Интересно, какая у нее улыбка.

И как-то неприятно было, что его настолько привлекает эта женщина, хладнокровный убийца.

Если бы только…

- Если бы только я знал зачем. Зачем вы убили Болтунью? Зачем убили моего отца?

Равна прищурилась.

- Этого скользкого обманщика? Слишком он хитер, чтобы его убили. Он смылся сразу, после нашего визита на ферму. Не думаю, что в этой операции убили хоть кого-нибудь. Лотлримарец, как мне известно, по-прежнему функционирует. - Она вздохнула. - Нам всем очень повезло. Вы понятия не имеете, что в это время творилось с Тайнзом. Он вам звонил ночью?

Хамид вяло кивнул.

- Так это он еще был сахарный. Он попытался убить меня, когда я взяла на себя управление кораблем. Еще один такой день - и он бы погиб, и скорее всего ваша планета тоже.

Хамид вспомнил теорию моллюска насчет потребностей этих «стальных когтей». И теперь Болтунья досталась этой твари…

- А теперь Тайнз удовлетворен?

Равна рассеянно кивнула, не заметив дрожи в его голосе.

- Сейчас он безобиден и сильно сбит с толку, бедняга. Ассимиляция - вещь трудная. Пройдет еще не одна неделя… но он стабилизируется, может, даже станет лучше, чем был когда-либо.

Что бы это ни значило.

Она оттолкнулась от стола и остановилась, упершись рукой в низкий потолок.

- Не волнуйтесь, он вполне сможет отвезти вас домой достаточно скоро. Теперь я покажу вам вашу каю…

- Рав, не торопи его. Чего это ему хотеть вернуться на Среднюю Америку?

Это сказал приятный тенор, вполне человеческий, хотя немного нечеткий.

Равна оттолкнулась от потолка.

- Мы же договорились, что ты в это лезть не будешь! Конечно, мальчик вернется на Среднюю Америку. Там его дом, там ему и место.

- Вот как? - Невидимый голос рассмеялся. Весело, радостно - как пьяный. - А ты знаешь, Хамид, что дома тебе придется очень хреново?

- А?

- Ага. Ты угробил все ядерные реакторы, привезенные Караваном. Конечно, малость тебе помогла федеральная полиция, но на это всем наплевать. Хуже того, ты загубил почти все агравы. Ур-ра, вперед и вверх! И заменить их можно, только слетав Вовне…

- Заткнись! - Гнев Равны перекрыл благодушную болтовню. - Эти агравы - дешевый фокус.

Такие тонкие вещи долго в Медленной Зоне работать не могут. Пять лет - и они все выдохнутся.

- А как же. И я это знаю, и ты знаешь. Но и Средняя Америка, и Туристы считают, что ты спалил Караван, Хамид. Дураком надо быть, чтобы вернуться.

Равна что-то крикнула на языке, которого Хамид никогда не слышал.

- Рав, давай по-английски. Пусть мальчик понимает, что происходит.

- Он вернется! - Голос Равны звучал яростно и почти отчаянно. - Мы же договорились!

- Знаю, Рав. - В голосе чуть поубавилось ликующей радости. Он звучал почти сочувственно. - И мне очень жаль, Рав, но тогда я был другой, а теперь я лучше понимаю. Вот что: я сейчас спущусь.

Она закрыла глаза. Трудно в невесомости обмякнуть или тяжело рухнуть, но Равна была к этому близка. Руки и плечи у нее обвисли, тело медленно всплыло с пола.

- О Господи, - тихо выдохнула она.

Снаружи, в коридоре, кто-то засвистел мотивчик, популярный в Маркетте где-то полгода назад. По стенам поплыла тень, а за ней… Болтунья? Хамид бросился от стола, отчаянно замахал руками,

нащупывая опору. Остановился, всмотрелся.

Нет, не Болтунья. Существо той же расы, несомненно, но совсем другой рисунок белого и черного. Большое черное пятно у одного глаза и белое у другого. Довольно смешное зрелище, если не знать, кто перед тобой, Мистер Тайнз.

Человек и чужак смотрели друг на друга долгую минуту. Чужак был чуть поменьше Болтуньи, на шее у него был клетчатый оранжевый шарф. Лапы казались ничуть не более гибкими, чем у Болтуньи… но то, что в глазах светился разум, сомневаться не приходилось. Существо всплыло к потолку и зацепилось лапой и когтями. Воздух наполнился неясными звуками, писком и щебетом почти неслышным. А если как следует прислушаться, кажется, и шипением тоже.

Существо посмотрело на него и засмеялось - тем приятным тенором, что только что был слышен.

- Ты меня не торопи! Я еще не весь здесь.

Хамид поглядел на дверь. Там стояли еще два таких, один в воротнике с драгоценными камнями - вожак? Они проплыли по воздуху и прицепились рядом с первым. Из коридора плыли еще тени.

- Сколько? - спросил Хамид.

- Сейчас меня шесть. - Кажется, ответил другой

тайнз, но голос был тот же.

В дверь вплыла последняя тройка. Один был без шарфа, без украшений - и очень знакомый.

- Болтунья! - Хамид оттолкнулся от стола и завертелся, промахнувшись мимо двери на несколько метров. Болтунья - это была, несомненно, она - умело извернулась и выплыла из зала.

- Не подходи!

Голос тайнза на миг изменился, обрел ту же резкость, что прошлой ночью. Хамид остановился у стены рядом с дверью и выглянул в коридор. Болтунья была там и сидела на закрытой двери в дальнем конце. Невесомость сыграла шутку, и Хамиду показалось, что он смотрит в глубокий колодец, а Болтунья поймана на самом дне его.

- Болтунья? - позвал он очень тихо, помня, что окружен тайнзами.

Она подняла глаза.

- Я больше не могу играть в старые игры, Хамид, - сказала она самым своим нежным женским голосом.

Он глядел, не сразу поняв. За много лет Болтунья много такого говорила, что - случайно или в воображении слушателя - имело смысл. Сейчас он знал, что смысл действительно есть… и догадался, почему Равна сказала, что Болтунья умерла.

Он попятился от края ямы. Поглядел на других тайнзов, вспомнил, как легко говорил любой из них.

- Ты вроде улья тараканов?

- Немного похоже, - произнес тем же тенором неизвестно кто из них.

- Только с телепатией, - сказал Хамид. Ответила тем же тенором та, кто была его другом.

- Да, среди себя. Но это не шестое чувство. Ты же знал это всю жизнь. Я очень люблю поговорить. Болтунья. - Шипение и писк: только самый краешек того, что они передавали друг другу в диапазоне до двухсот килогерц. - Извини, что я отшатнулась. Мы еще не распутались друг с другом. Я не знаю точно, кто я.

Болтунья оттолкнулась и снова заплыла в помещение мостика. Ухватившись за потолок, она поравнялась с Хамидом, вытянула к нему голову - осторожно, как к незнакомому.

И у меня такое же чувство, подумал Хамид, но протянул руку погладить ее по шерсти. Она отдернулась, поплыла по комнате и скрылась среди других тайнзов.

Хамид смотрел на них, они на него. Внезапно мелькнул образ: стая длинношеих крыс глазками-бусинками рассматривает добычу.

- Так кто же настоящий мистер Тайнз? Чудовище, которое готово было взорвать планету, или этот миляга, с которым я сейчас говорю?

Ответила Равна безразличным усталым голосом:

- Вы не поняли? Стая была неуравновешена. Она умирала.

- В моей стае было пять, Хамид. Число неплохое: многие из знаменитых стай были невелики. Но я сократился от семи - двоих из меня убили. Те, что остались, не подходили друг другу, и самка была только одна. - Тайнз помолчал. - Я знаю, что люди могут годами жить без контакта с противоположным полом, испытывая лишь легкий дискомфорт…

«Ты мне будешь рассказывать!»

- …но у тайнзов по-другому. Если соотношение полов в стае сильно смещается, особенно при несбалансированности умений, разум начинает распадаться… и при этом случаются очень неприятные вещи.

Хамид заметил, что, пока стая говорила, двое тайнзов по обе стороны от того, что был в шарфе, тыкались в узлы ткани. Движения были очень координированны, морды завязывали и развязывали узлы. Тайнзу не нужны руки. Или, другими

словами, у него их было шесть. Это было, как если человек нервно вертит галстук.

- Равна солгала, сказав, что Болтунья мертва. Я ее понимаю: она хотела удалить тебя с нашего корабля без лишних вопросов и хлопот. Но Болтунья не мертва. Она спасена, спасена от судьбы животного на весь остаток своей жизни. А ее спасение спасло стаю. Я так… так счастлив. Даже когда меня было семь, не было так хорошо. Я понял многое, что было для меня всю жизнь загадкой. Твоя Болтунья куда лучше работает с языками, чем все остальные мои личности. И так говорить без нее я бы никогда не смог.

Равна подплыла к стае, поставила ноги на пол под ними. Потерлась головой об одного из них, глаза на уровне глаз другого.

- Представьте себе Болтунью как речевое полушарие человеческого мозга, - сказала она Хамиду.

- Не совсем так, - возразил Тайнз. - Полушарие человеческого мозга почти может существовать автономно. Болтунья сама по себе никогда не стала бы личностью.

Хамид вспомнил: самым горячим желанием Болтуньи всегда было - стать личностью. Слушая это создание, он слышал эхо Болтуньи. И

легко было понять все, что они говорят… Но если взглянуть чуть по-другому, то увидишь рабство и насилие - теория моллюска.

Хамид отвернулся от глядящих на него глаз к звездным полям. Чему из этого надо поверить? И чему надо сделать вид, что поверил?

- Один турист пытался продать нам прибор, «радио СБС». Вам известно, что мы с его помощью стали собирать сведения о тайнзах? Известно, что мы нашли?

И он рассказал им об ужасах, которые Ларри собрал с краев галактики.

Равна переглянулась с тайнзом, ближайшим к ее голове. Минуту был Слышен только щебет да шипение, потом Тайнз заговорил.

- Вспомни самых страшных негодяев из истории Земли. Какие бы они ни были, какие бы ни совершали Зверства, могу тебя заверить, что где-то происходило гораздо худшее. А теперь представь себе режим столь подавляющий и страшный, что не выжил ни один правдивый историк. Какие рассказы услышишь ты о расах, истребленных этим режимом?

- Ага. Так что…

- Тайнзы - не чудовища. В среднем мы не более кровожадны, чем вы, люди. Но мы происходим от

стай волкоподобных созданий. Мы - воины. С хорошим оружием и в должном числе мы способны победить почти все, что есть в Медленной Зоне. - Хамид вспомнил акулью стаю боевых лодок. По одному зверю в каждой и радио… и ни одна команда пилотов не сравнится с ними по координации. - Когда-то мы были великой силой в нашей области Медленной Зоны. У нас были враги, даже когда не было войны. Мог бы ты доверять существам, которые живут неопределенно долго, но личность которых меняется от дружелюбной к безразличной и даже враждебной, когда умирают и заменяются их компоненты?

- А сейчас ты такой благостный, потому что получил Болтунью?

- Да! Хотя тебе… я бы тебе понравился, когда меня было семеро. Но Болтунья открывает потрясающие перспективы; с нею снова весело быть живым.

Хамид поглядел на Равну, на окружившую ее стаю. Значит, эти самые тайнзы были великими воинами. В это он верил. Значит, теперь они почти истреблены и стали еще более смертоносными. В это он тоже мог поверить. А помимо этого… дурак он будет, если поверит чему бы то ни было. Он мог себе представить Тайнза в

качестве друга, хотел бы, чтобы Равна была его другом. Но весь этот разговор, все аргументы - это может быть чистейшая манипуляция. В одном только он был уверен: вернись он на Среднюю Америку, правды ему никогда не узнать. Он может прожить остаток жизни в тепле и уюте, но Болтуньи у него уже никогда не будет, и никогда он не узнает, что же с ней на самом деле сталось.

Он криво улыбнулся Равне:

- Тогда начнем сначала. Я хочу лететь с вами Вовне.

- И речи быть не может. Я вам сразу сказала. Хамид подплыл поближе и остановился в метре от нее.

- Почему вы на меня не смотрите? - спросил он ласково. - За что вы меня так ненавидите?

И полную секунду она глядела ему прямо в глаза.

- Ничего я вас не ненавижу! - У нее задергалось лицо, будто она готова расплакаться. - Просто вы такое чертовское разочарование…

Она резко толкнулась назад, расталкивая тайнзов.

Хамид медленно поплыл за ней к столу для совещаний. Там она «встала», разговаривая сама с собой на неизвестном Хамиду языке.

- Она перебирает своих предков, - прошептал один из тайнзов, оказавшийся рядом с Хамидом. - Ее народ это хорошо умеет.

Хамид зацепился ногой напротив нее и поглядел ей в лицо. Молодая, на вид не старше двадцати лет. Но Внешники умеют управлять процессом старения. Кроме того, Равна последние десять лет была в релятивистском полете.

- Вы наняли моего… наняли Хусейна Томпсона, чтобы он меня усыновил?

Она кивнула.

- Зачем?

Она поглядела на него, на этот раз не отворачиваясь. Потом вздохнула.

- Ладно, попытаюсь. Но есть многие вещи, которых вы, жители Медленной Зоны, просто не поймете. Средняя Америка близка к Вовне, но вы лишь выглядываете в щелочку. И еще меньше вы понимаете в том, что лежит за Вовне, в пределах трансчеловеческого космоса. - Она заговорила похоже на Лентяя Ларри.

- Я согласен начать с версии для пятилетних.

- Ладно. - Еле заметная улыбка мелькнула на ее лице. Интересно, как снова заставить ее улыбнуться. - Когда-то, давным-давно… - еще одна улыбка, на этот раз чуть шире! - жил-был один

очень мудрый и хороший человек. Настолько мудрый и хороший, насколько может быть человек или эквивалентный человеку разум: математический гений, великий полководец и еще более великий миротворец. Он прожил пятьсот субъективных лет и половину этого срока сражался с очень большим злом.

- Маленький кусочек этого зла сжевал мою расу как нечего делать, - вставил Тайнз.

Равна кивнула.

- И нашего героя это зло тоже в конце концов сжевало. Он был мертв почти столетие объективного времени. И враг очень следил, чтобы он не ожил. Мы с Тайнзом, быть может, последние, кто пытается его вернуть… Что вы знаете о клонировании, мистер Томпсон?

Хамид не сразу нашел ответ. Было ясно, к чему все идет.

- Туристы утверждают, что могут построить жизнеспособную зиготу практически из любой клетки тела. Они говорят, что это легко, но получается при этом не более чем идентичный близнец оригинала.

- Это примерно так. На самом деле клон часто бывает куда меньше, чем идентичным близнецом. Очень многие свойства взрослого определяет

внутриутробная среда. Возьмем математические способности. Здесь есть генетический компонент - но частично математическая гениальность определяется гипердозой тестостерона, которая достается эмбриону. Чуть меньше - и получается тупица.

Мы с Тайнзом давно уже в полете. Пятьдесят лет тому назад мы достигли Лотлримара - заднего двора вселенной, если вообще у нее такой может быть. У нас с собой была клонируемая клетка этого великого человека. С тем медицинским оборудованием, что у нас было, мы сделали все, что могли. Новорожденный был с виду вполне здоров…

Шелест, шипение.

- Но почему вы не стали воспитывать этого… ребенка сами? Зачем было нанимать человека, чтобы увез его в Медленную Зону?

Равна прикусила губу и отвернулась. Ответил Тайнз:

- По двум причинам. Воспитать тебя в Медленной Зоне было лучшим способом тебя спрятать. Вторая причина более тонкая. У нас нет записей о твоих первых воспоминаниях, мы не можем сделать совершенную копию. Но если создать тебе среду воспитания, повторяющую среду ори-

гинала… может быть, мы получим индивида с теми же взглядами…

- Вроде как вернуть оригинал обратно в глубокой амнезии. Тайнз тихо засмеялся:

- Верно. И поначалу все шло хорошо. Нам очень повезло найти в Лотлримаре Хусейна Томпсона. Он казался талантливым человеком, желающим отработать свои деньги. Новорожденного в приостановленной фазе анимации он привез домой на Среднюю Америку и женился на столь же талантливой женщине, чтобы она стала твоей матерью.

Все было организовано, воспитание оригинала было повторено лучше, чем мы надеялись. Я даже отдал одну из своих личностей, новорожденную, чтобы она осталась с тобой.

- Кажется, остальное я знаю, - перебил Хамид. - Первые восемь лет все шло отлично… - первые счастливые годы семьи, - пока не стало ясно, что я - не математический гений. Нанятый вами воспитатель не знал, что делать, и ваш план рассыпался.

- Этого можно было избежать! - Равна хлопнула по столу ладонью, и от этого движения тело ее поднялось вверх, чуть не сорвавшись с заякоренной ноги. - Математические способности

- важная часть, но шанс все равно оставался, если бы Томпсон нас не надул. - Она полыхнула взглядом на Хамида, потом на стаю. - Родители оригинала умерли, когда ему было десять лет. Хусейн со своей женщиной должны были исчезнуть в это время в поддельной авиакатастрофе. Вот что было договорено! А он вместо этого… - Равна запнулась. - Мы с ним говорили. Он не хотел встречаться лично. Приводил кучу оправданий, сволочь хитрая. «Не вижу ничего хорошего в том, чтобы еще травмировать мальчика, - заявил он. - Он не супермен, просто хороший мальчик. Я хочу, чтобы он был счастлив!» Равна задохнулась от возмущения. - Счастлив! Знал бы он, что нам пришлось вынести, что поставлено на карту…

Хамид чувствовал, как немеют щеки, будто на морозе. Интересно, как оно будет, если стошнит в невесомости? - А… а моя мать? - спросил он очень тихо. Равна резко тряхнула головой.

- Она пыталась Томпсона убедить. Когда это не вышло, она вас бросила. Но это было слишком поздно, а к тому же это была совсем не та травма, которую пережил оригинал.

Но она свою часть сделки выполнила, мы заплатили ей почти все, что обещали… На Средней Америке мы ожидали найти человека заме-

чательного, снова ожившего. А вместо этого нашли…

- Кусок дерьма?

Хамиду не удалось вложить в этот вопрос ни капли злости. Она судорожно вздохнула.

- Нет, я на самом деле так не думаю. Хусейн Томпсон воспитал хорошего человека, и это больше, чем многие могут о себе сказать. Но если бы вы были тем, кем мы надеялись, вас бы теперь знали по всей Средней Америке - величайшего изобретателя, величайшего деятеля со времен основания колонии. И это было бы только начало.

Казалось, она смотрит сквозь него… и вспоминает? Тайнз неуверенно кашлянул.

- Совсем не кусок дерьма. И даже не просто «хороший мальчик». Часть меня все эти годы была с Хамидом, и воспоминания Болтуньи настолько ясны, насколько они могут быть у фрагмента. Хамид для меня не просто несбывшаяся мечта, Рав. Он не такой, но мне с ним нравится почти как… как с тем, другим. А когда наступил решительный момент - я видел, как он дрался. Учитывая его воспитание, даже оригинал не мог бы действовать лучше. Взлететь на полуфабрикате аграва - это такой дерзкий поступок, что…

- Ладно, Тайнз, мальчик предприимчивый и

быстрый. Но между самоубийственной глупостью и рассчитанным риском есть разница. На такой поздней стадии жизни он уже никем не станет, кроме как «хорошим человеком».

Слова ее сочились сарказмом.

- Мы могли сработать еще хуже, Рав.

- Мы должны сработать куда лучше и ты это знаешь! Сам смотри: два субъективных года, чтобы выбраться из Зоны, и наше оборудование анабиоза сдохло. Я не согласна видеть эту морду два года подряд каждый день. Он возвращается на Среднюю Америку.

Она оттолкнулась от пола и поплыла к тайнзам, висевшим возле Хамида.

- Я так не думаю, - возразил Тайнз. - Если он не хочет, я его обратно не повезу.

Гнев и - как ни странно - испуг заиграли на лице Равны.

- Ты на той неделе говорил по-другому.

- Хе-хе-хе! - Трескучий смешок Лентяя Ларри. - А я переменился. Ты не заметила?

Она ухватилась за потолок и посмотрела на Хамида, рассчитывая что-то.

- Мальчик, ты кажется, не понял. Мы спешим, мы не будем останавливаться в таких местах, как Лотлримар. Есть только один способ, который

еще может вернуть оригинал к жизни - может быть, даже вместе с его памятью. И если ты полетишь с нами, окажешься в Трансгуме. Все шансы за то, что никто из нас не выж… - Она остановилась, и по ее лицу разлилась улыбка - очень не дружелюбная, - Ты подумал, на что нам может пригодиться твое тело? Ты ничего не знаешь о нашем плане. Может быть, мы найдем способ использовать тебя как… как пустой картридж для данных.

Хамид не отвел глаз, надеясь, что на его лице нельзя прочесть сомнений.

- Быть может. Но ведь у меня будет два года, чтобы подготовиться?

Они смотрели друг на друга долгую минуту - самый долгий взгляд глаза в глаза за все время.

- Что ж, - сказала она, - так тому и быть. - И подплыла чуть ближе. - Только один совет. Мы два года будем здесь заперты. Корабль большой, и не попадайся мне на глаза.

Она отодвинулась назад и стала перебирать руками по потолку, быстрее и быстрее, метнулась в коридор и скрылась с глаз.

Хамид Томпсон получил свой билет Вовне. Бывают билеты подешевле и подороже. Сколько придется заплатить ему?

Через восемь часов корабль шел на таранном двигателе, удаляясь в космос. Хамид одиноко сидел на мостике. «Окна» одной стены показывали вид за кормой. Солнце Средней Америки освещало зал.

Впереди зачерпывалась межпланетная материя, питающая двигатель. Ускорение было едва заметным, не больше одной пятидесятой g. Таранные двигатели использовались для долгой тяги. Ускорение будет держаться бесконечно, поднимаясь до половины нормального и разгоняя корабль почти до световой скорости.

Средняя Америка казалась синей блесткой в сопровождении двух ярких точек - белой и желтой. Еще часы пройдут, пока она со своими лунами исчезнет из виду - и много дней, пока они станут не видны даже в телескоп.

Хамид сидел здесь уже час - или два? - после того, как Тайнз показал ему его каюту.

В голове было как на брошенном поле битвы. Чудовище стало ему добрым приятелем. Человек, которого он ненавидел, оказался отцом, которого ему не хватало… а мать - безжалостной интриганкой.

«И теперь мне никогда не вернуться и не спросить, кто же ты был, любил ли ты меня на самом

деле».

На лице было мокро. Что хорошо, когда нет невесомости: слезы в глазах не застревают.

Эти два года надо будет вести себя очень осторожно. Слишком многое надо узнать, еще о большем - догадаться. Что здесь ложь и что правда? В рассказе кое-что вызывало сомнение… как мог один человек оказаться так важен, как говорят Равна и Тайнз? По сравнению с трансгумами ни один человек или его эквивалент много значить не мог.

Вполне может быть, что эти двое верят в историю, которую ему рассказали. И это самая пугающая возможность из всех. Они про этого Великого Человека говорили как про какого-то мессию. Хамид читал о том, как это бывало на Старой Земле: нацисты двадцатого века, обожающие Гитлера, фанатики Афганского Джихада, строящие планы вернуть своего Имама. Вполне могло быть, что Ларри по ансиблю узнал правду. И этот Великий Человек совершил убийства тысячи миров.

Хамид с удивлением обнаружил, что смеется. «И к чему это меня приводит? Может ли клон чудовища подняться над оригиналом?»

- Над чем смеешься, Хамид? - Тайнз вошел на

мостик тихо, и Хамид не заметил. Теперь он расселся на столе и на стульях вокруг Хамида. Та, которая была Болтуньей, находилась всего в метре от него.

- Так, своим мыслям.

Несколько минут они посидели молча, глядя на небо. Оно чуть колыхалось, как горячий воздух над плитой, едва заметное проявление полей, формирующих вокруг корабля таран. Хамид поглядел на тайнзов. Четверо из них смотрели в окно, двое - на него, и глаза у них были темные и матовые, как бывали у Болтуньи.

- Ты только не думай плохо о Равне, - сказал Тайнз. - У нее с тем почти-тобой много чего было раньше. Они очень любили друг друга.

- Я так и думал.

Две головы отвернулись обратно к небу. Два года надо будет наблюдать за этим созданием, пытаться решить… но если отбросить подозрения, то чем больше Хамид видел Тайнза, тем больше он ему нравился. Как будто он и не потерял Болтунью, а приобрел еще пять ее братьев. И эта говорильная машина стала настоящей личностью.

Приятное молчание длилось. Потом та, которая была Болтунья, вытянула шею из-за стола и

ткнулась головой Хамиду в плечо. Он не сразу, но погладил шерсть на ее шее. Они еще посмотрели на солнце и голубое пятнышко.

- Знаешь, - сказал Тайнз любимым женским голосом Болтуньи, - скучать я буду по этой планете. А больше всего - знаешь, по чему? По кошкам и по собакам.

Vernor Vinge. «The Blabber». © Vernor Vinge, 1988. © Перевод. Левин М.Б., 2002.

[1] [broken link: #aRan_9379896469] Tines *{англ.)* - зубцы, острые отростки. - *Примеч. пер.*

[2] [broken link: #aRan_0194635107] свершившийся факт *(фр.). - Примеч. пер.*

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

01.12.2008